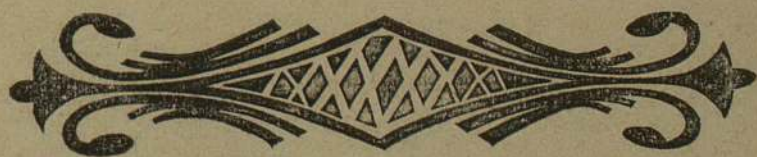

**ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ**

II

1948

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 11

НОЯБРЬ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
МОСКВА 1948

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

От Святейшего Патриарха Алексия	3
Обращение Главы делегации Польской автокефальной Православной Церкви на Соездании в Москве в июле 1948 года	4

Церковная жизнь

<i>Протоиерей В. Шпиллер.</i> Болгарская Церковь и Московское Соездание	5
<i>Проф. С. В. Савинский.</i> Московские духовные школы в 1947/48 учебном году	10
Отклики с мест о праздновании 500-летия автокефалии Русской Православ- ной Церкви	16

Речи, проповеди

<i>Митрополит Николай.</i> Земной и Небесный Иерусалим	18
<i>Архимандрит Вениамин.</i> Слово на день св. Александра Невского	22

Статьи

<i>Протоиерей Харьюзов.</i> «Мир миру Твоему даруй» (7/XI—1917—7/XI—1948 г.)	24
<i>Протоиерей Евгений Садовский.</i> Чуют правду. (Памяти протопресвитера Г. Ко- стельника)	27
<i>Игумен Павел (Голышев).</i> За границей и на Родине	30
<i>Н. Днепров.</i> День у друга :	35
<i>Протоиерей Анатолий Левицкий.</i> Голос совести	42
<i>Проф.—протоиерей В. Верюжский.</i> Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы. (Продолжение)	47
<i>Архиепископ Стефан.</i> Харьковский Святитель Мелетий Леонтович	60
<i>Л. Н. Парийский.</i> Памяти Григория Федоровича Львовского	68

Из жизни епархий

Из Пинской епархии. Юбилейные торжества в честь св. преподобномученика Афанасия, игумена Брестского	79
--	----

Издатель

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции
„Журнала Московской Патриархии“ протоиерею А. П. Смирнову — Москва, 48,
Б. Пироговская, 2 (бывш. Новодевичий Монастырь),
Чистый пер., 5, Редакция „Журнала Московской Патриархии“.

13-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР.
Москва, Денисовский, 30. Зак. 858

Официальная часть

ОТ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

Получив от Преосвященных, от монашествующего и белого духовенства, от духовно-учебных заведений и от многих мирян поздравления со днем моего рождения, выражаю мою сердечную благодарность всем почтившим меня в этот день своим вниманием и приславшим мне свои добрые пожелания.

Всем призываю Божие благословение.

Патриарх Алексий

ОБРАЩЕНИЕ ГЛАВЫ ДЕЛЕГАЦИИ ПОЛЬСКОЙ АВТОКЕФАЛЬНОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА СОВЕЩАНИИ В МОСКВЕ

в июле 1948 года

Ваше Святейшество, Святейший Владыко!

От имени делегации Польской Православной Церкви и от себя лично приношу Вашему Святейшеству глубокую и искреннюю благодарность за оказанный нам радушный — в широком, чисто русском значении сего слова — прием. Это радушие дало нам возможность не только быть участниками великого торжества Русской Православной Церкви, а вместе с сим и всего православного мира, — 500-летия автокефалии Матери Русской Церкви, но и объединиться в молитве, войти в братское общение с представителями всех православных Церквей и непосредственно, устами к устам, в братской беседе поведать друг другу о своих радостях и скорбях, о своих нуждах и достижениях и наметить общий для всего Православия план дальнейшей работы на благо Святой Вселенской Православной Церкви. Это же радушие дало нам возможность посетить не только многочисленные святыни столицы, но побывать также и в одной из величайших святынь — Троице-Сергиевой Лавре, а равно в Ленинграде и Тифлисе, и воочию убедиться, как сильны вера и благочестие на Святой Руси и как процветает Русская Церковь под мудрым, возгреваемым благодатию Божиею, водительством Вашего Святейшества, при внимательном, заботливом отношении к нуждам Церкви со стороны Правительства СССР.

Все это преисполнило наши сердца и души твердой верой в неисповедимый Промысл Божий, ведущий Святую Церковь, иногда, быть может, и путем временных испытаний, к еще вящей славе, и укрепило наши немощные силы на дальнейшие труды по благоустроению нашей Церкви.

Примите же, Святейший Владыко, нашу глубокую сыновнюю благодарность и не оставьте нас в своих святых молитвах.

Господь Бог да хранит Ваше Святейшество в добром здравии и благополучии на многие, многие лета для блага и дальнейшего процветания Святой Православной Русской Церкви.

*Вашего Святейшества смиренный богомолец Тимофей,
Архиепископ Белостокский и Бельский*

Церковная жизнь

БОЛГАРСКАЯ ЦЕРКОВЬ И МОСКОВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ

Самолет идет на посадку. Вот легкий толчок... И точным бегом неслется приземлившаяся стальная птица по аэродрому маленькой болгарской столицы Софии, окруженной темнеющими силуэтами отовсюду обступивших гор.

У выхода на летное поле собрались ожидающие: члены Св. Синода Болгарской Церкви, представители Болгарского Правительства, представители Советского посольства, близкие прибывающих. Из остановившегося самолета к ним вышли члены Болгарской церковной делегации, целый месяц проводившие в Советском Союзе, в Москве, в гостях у Святейшего Патриарха Алексия. Делегация представляла Болгарскую Церковь на юбилейных торжествах Русской Церкви и участвовала в Совещании Предстоятелей и Представителей Православных Церквей, собравшихся в столице Советского Союза по приглашению Московского Патриарха.

Православные всех национальностей: болгары, русские, греки, сербы, румыны, сирийцы, грузины, чехи, даже и православные французы и голландцы, мы все—сущие от веры и принимающие Божие благословение с верными Авраама (Гал. 3, 9)—не призваны ли блюсти единение духа (Ефес. 4, 3) в Церкви, в которой неть эллин, ни иудей (Кол. 3, 11)? Церковь одна. Едино духовное тело Христово. Единство Церкви, при независимости друг от друга в каноническом управлении поместных Церквей, всегда было и остается важнейшим свойством и признаком ее духовной сущности и силы.

На протяжении многих десятилетий Болгарской Церкви пришлось переживать поистине огненное испытание верности вере и благодати единой, Святой, соборной, Апостольской Церкви. В самые ответственные моменты своей истории и своих отношений с некоторыми поместными Церквями она оставалась верной вселенскому соборному единству Православной Церкви. И в силу трудно сложившихся исторических обстоятельств может быть более других была заинтересована в активном междуправославном общении и сотрудничестве. Поэтому она с особым воодушевлением участвовала и в молитвенном общении Церквей-Сестер, представленных на празднике Русской Церкви, и в работах Совещания.

Болгарская Церковь всего несколько лет тому назад вступила со всеми без исключения Поместными Церквями во вполне нормальные отношения. Но параллельно с урегулированием междуправославного своего положения ей нужно было провести и некоторые, связанные с этим, канонические преобразования во внутреннем устройстве. Нужно было

освоиться и с новым положением в связи с проведенным отделением Церкви от Государства, регламентированном новой Болгарской Конституцией. В такой обстановке должны были иметь и имели очень важное для нее значение первые, после стольких лет разобщения, встречи с Русской Церковью. Имеется в виду посещение Болгарии в 1945 г. Русской церковной делегацией во главе с Ленинградским Митрополитом Григорием, затем поездка в Москву Болгарского Экзарха и ответный визит Болгарской Церкви, сделанный в 1946 г. самим Святейшим Патриархом Алексием.

Однако, не менее важной здесь представлялась и последняя деловая встреча. Она обещала деловой обмен мнениями между Представителями Болгарской Церкви и Предстоятелем и высшими иерархами Русской Церкви по всем важным общецерковным вопросам, но также и по специально интересующим Болгарскую Церковь. Она открывала возможности счастливого расширения и укрепления внешних отношений Болгарской Церкви. Из Москвы делегация привезла больше ожидавшегося.

Членов Болгарской церковной делегации поразила в Москве сила и красота русского богослужебно-молитвенного, литургического благочестия. За внешней величественной торжественностью праздничных богослужений, за сочетанием их пышности с теплотой и задушевностью захватывающего молитвенного вдохновения огромных масс верующих, они увидели высокую духовную культуру русского благочестия и почувствовали могучую его благодатную силу отсюда, из храмов, переливающуюся в принимающую ее в себя жизнь Церкви, чтобы сделаться наглядно ощутимой затем в каждом ее уголке.

Богослужебно-молитвенное благочестие, конечно, сердце современной русской церковной жизни. Но гости поняли, что сердце это бьется верностью древнему литургическому преданию, которую всему христианскому миру завещал апостол: «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены» (2 Фес. 2, 15). Сила и красота русской богослужебной традиции — это сила и красота в веках, накопленных Церковью даров Духа. Так, очевидно, подтверждается истина, что благодатное плодотворение в Христовой Церкви осуществляется лишь в живой, безусловной верности преданию, в частности же литургическому.

Из вывезенных из Москвы наблюдений над великолепием богослужебной жизни нельзя было не сделать логических выводов применительно к своей, к здешней богослужебной практике. Они и сделаны Высокопреосвященными членами Болгарской церковной делегации, что разумеется, будет иметь огромное значение для хода всей вообще церковной жизни в Болгарии.

Некогда приснопамятный Московский Митрополит Филарет учил, что единство Церкви видимо выражается в общении, в молитвах, таинствах и в одинаковом исповедании веры. Сейчас общение поместных Православных Церквей активизируется, их единство становится все более видимым, потому что пришло время, властно требующее, чтобы порученная нашему соборному единству истина исповедывалась бы всеми нами одинаково верно и одинаково действенно. Московское Совещание и было ответом на это требование времени.

Но исповедывание евангельской истины есть подвиг свидетельства, предполагающий за собой не самодавлеющую ученость, а духоносную чистоту и ясность догматического и канонического сознания Церкви. Они возможны лишь там, где есть молитвенный благодатный опыт, в котором преимущественно и совершается стяжание Духа. Чистота и ясность церковного сознания выкристаллизовывается в глубинах строгой молитвенной собранности. Их приобрела именно на этих путях Русская Православная Церковь. И потому-то ее особенно деятельное участие как в подготовке Совещания и организации его, так и во всех

его работах, обеспечило Советскому Православному постановку всех занимавших его вопросов и их решение в строго церковном духе.

Более других вопросов Болгарскую Церковь занимал так называемый экуменический вопрос — отношение к экуменическому движению и к участию в организации так называемого Экуменического совета, который должен был быть учрежден, на несколько новых для экуменического движения началах, на экуменической конференции в Амстердаме, осенью текущего года. Болгарская Церковь с экуменическим движением встретилась давно. Можно сказать, что в его лице она встретилась вообще с западным инославием. Поэтому вопрос об отношении к экуменическому движению для Болгарской Церкви перерастал в вопрос об отношениях ее к инославному западному христианству. Но он может быть обращен другой стороной и сформулирован как вопрос о западничестве в Болгарской Церкви. Отсюда и повышенный интерес к нему в Болгарской Церкви.

Здесь западничество беспочвенно. Конечно, и здесь еще ходки столько же бойкие, сколько и поверхностные противопоставления пресловутой динамичности западного «социального христианства» — якобы лучшим образом воплощающего в истории человечества христианские идеалы — «неподвижности», только отрицающей мира восточной Церкви. Но все же западничество родилось здесь не из религиозного пиетета к западному христианству и не имеет ничего общего ни с религиозными потребностями, ни с оценкой его по существу. В одной недавней статье, в последнем номере (№ 6) 1948 г. весьма западнического парижского журнала «Православная Мысль» — даже в нем — имеется признание того, что Церкви молодых Балканских государств в нашем столетии оказались идеологически прельщенными лаической европейской атмосферой. Это очень верно с той поправкой, что не Балканские Православные Церкви, а некоторые клирические в них круги соблазнились лаицизмом, т. е. обмирщающей церковную жизнь светскостью западного христианства, отношение к которому этих кругов в сущности определялось ничем иным, как только удельным весом западного христианства в европейской политической жизни, в особенности в последние 20—30 лет.

Теперь не может быть сомнений насчет действительного смысла связи экуменизма с некоторыми большими политическими центрами. Но в ходе работ специальной комиссии на Московском Совещании выяснилась также и с другой стороны принципиальная непримиримость нашего сотрудничества с ним.

Дело в том, что после Утрехтской конференции деятельность экуменических организаций в последние десять лет — оставая в стороне ее политический характер — уже не выражала стремления к отысканию способов преодоления существующего между разными исповеданиями разрыва, разобщения, разъединения и не отражала искания восстановления общехристианского единства или единения. Правда, в трудах весьма видных ведущих экуменистов, например, у известного пастора М. Voegner'a характеристической чертой так называемого экуменического сознания все еще представляется жажда единения христиан всех исповеданий, ради выполнения заповеди Спасителя об единстве (Иоан. 17, 21). См. его работу «Le problème de l'Unité chrétienne», Paris, Neuchâtel, 1947. Однако в действительности для современного экуменического сознания гораздо более характерна иная черта. Экуменизм сознает себя действующим инструментом идеального образа Церкви, вобравшей в себя разные конфессиональные дифференциации и являющейся единственно возможным реальным воплощением вечной духовной *Una Sancta*, во всей своей сакраментальной полноте принадлежащей, впрочем, иному, не здешнему, но трансцендентному плану бытия. Таков

общий смысл победивших в экуменизме концепций генерального секретаря экуменического совета д-ра Visser't Hooft'a. Об этом см., например, статью D. C. Lialine, «La préparation ecclésiologique de la première Assemblée du Conseil œcuménique des Eglises» в последнем 12-том. Tome XXI J'érenikon'a. Нужно к этому добавить, что в общей установке экуменического consensus'a, поскольку его отражают и концепции такого авторитетного деятеля и идеолога экуменизма, как названный д-р V. Hooft, и ряд выступлений рядовых участников движения, среди которых, может быть назван проф.—протопресвитер Ст. Цанков — в ней очень чувствуется уже образовавшийся в экуменизме особого рода экуменический провинциализм. Специфическое самочувствие любящейся на себя самодостаточности «всецерковной организации» и даже некоторого превосходства над всеми теми, кто остается «вне» ее...

Новая экуменическая еклезиология расходится с православным учением о Церкви. Мы не допускаем насильственного искусственного расщепления целостного организма Церкви на «эмпирическую» часть, т. е. историческое ее бытие, в котором и происходит греховное разделение христиан, и на «онтологическую» часть, в онтологических своих глубинах, якобы содержащую совершенную, нетронутую греховным разделением, полноту Una Sancta. И требуемое от нас экуменизмом признание вины всей нашей Церкви перед Божиим Промыслом за грех разделения тоже для нас неприемлемо. Справедливо замечают, что оно означало бы отказ от веры нашей в приснодействующую в Церкви силу Духа Святого. То, что может существовать и существует своего рода ecclesia extra ecclesiam для нас далеко не доказано ни догматически, ни канонически.

Между тем, на протяжении последних лет экуменическое движение развивалось на идеологической основе такого именно, за эти годы оформлявшегося, учения о Церкви. Оно же кладется в основу экуменической интерконфессиональной постройки, которую отныне призван будет организационно возглавлять Экуменический совет. Вот почему для Православной Церкви участие в экуменическом движении и его организациях, сотрудничество с Экуменическим советом и участие в его учреждении, конечно, невозможно. Что, впрочем отнюдь не исключает известного интереса к этой форме инославной жизни. И даже, так сказать, с иренических позиций, с позиций корректного, мирного к нему отношения.

Такую постановку и решение экуменического вопроса в Москве здоровая болгарская церковная общественность приняла с облегченным сердцем. Вне всякого сомнения они очень многое разъяснят и тем, кто более или менее случайно отошел от исторического фарватера Болгарской церковной жизни.

Также и другие, занимавшие Совещание вопросы, рассматривались в атмосфере внутренней особой чуткости к голосу соборной всеправославной церковной совести. Поэтому и на их постановке и решениях легла печать церковности, печать свидетельства веры и верности общецерковному преданию.

В Болгарской Церкви всегда охранялось вечное и неизменное от притязаний к доминированию временного и изменяющегося. С ними нередко выступало именно западничество, в разных его здешних формах и вариациях. В появившемся притязательно-критическом отношении не только к таким каноническим правилам, как например, известное шестое правило VI Вселенского Собора, установившее однобрачие белого духовенства, но даже и вообще к каноническим установлениям Вселенских Соборов и их авторитету (см. № 22 от 1 июля 1948 г. газеты «Народы пастырь»); в навязываемой Церкви тенденции выводить эти установления из так называемого *jus humanum*, резко противопо-

ставляемого *jus divinum*, уже в одном этом, с православной точки зрения антиканоническом (см. 1-е правило VII Всел. Собора) разделении канонов на две группы, сказываются, конечно, рецепции западных влияний. В общем духе работы Московского Соещания, базировавшиеся на накопленном всей Православной Церковью опыте веры и жизни в вере, Болгарская Церковь нашла опору в творческих усилиях своей здоровой общественности, направленных на ограждение чистоты, ясности и четкости догматического и канонического своего сознания.

Болгарская Церковь глубоко пережила радость братского молитвенного общения с Русской Церковью и с другими Поместными Церквями-Сестрами, праздновавшими наш юбилей, радость общения, видимо выразившего духовное единство всей Православной Церкви. Болгарская Церковь была счастлива участвовать в общем церковном деле, совершавшемся в Москве, и в тех свидетельствах, которые даны соборным умом и соборной совестью, участвовавших в Соещании Церквей, в предостережение от всевозможных прельщений.

Но здесь уместно вспомнить слова известного русского богословствовавшего публициста прошлого века, при том обращенные преимущественно к западным христианам о том, что Церковь имеет задачу не только спасать, но еще и блюсти откровенную истину, как свет, как мерило и как суд миру...

Прот. В. Шпиллер

МОСКОВСКИЕ ДУХОВНЫЕ ШКОЛЫ В 1947/1948 УЧЕБНОМ ГОДУ

14 июня с. г. закончился учебный год в Московской Духовной Семинарии и Духовной Академии. Окончание учебных занятий и экзаменов совпало с четырехлетием со дня открытия духовных школ и потому этот день для Семинарии и Академии был днем сугубого торжества. Празднование началось торжественным богослужением в академическом храме. Божественную Литургию и благодарственное молебствие после Литургии совершал Святейший Патриарх Алексий в сослужении Преосвященного ректора Академии и Семинарии архиепископа Гермогена, о. протопресвитера Н. Ф. Колчицкого и академического духовенства. За Божественной Литургией был рукоположен в сан диакона только что окончивший курс Духовной Семинарии первый студент выпуска текущего года Б. С. Писарев, получивший затем назначение вторым священником в церкви Св. Николая в Кузнецях в г. Москве.

После Литургии в большой аудитории Лопухинского корпуса состоялся торжественный выпускной акт. Акт открылся пением молитвы и защитой диссертации на степень магистра богословия архимандритом Вениамином (Миловым). Секретарем Совета Академии, доцентом А. В. Ведерниковым, были сообщены краткие биографические сведения о диспутанте. В 1920 г. он получил степень кандидата богословия за работу на тему «Преподобный Григорий Синаит. Его жизнь и учение». Пять книг творений преподобного были им предварительно переведены с греческого языка на русский и затем весь заключающийся в творениях преподобного Григория Синаита материал из области христианской догматики, этики и аскетики был им систематизирован и представлен в виде логически стройного мировоззрения. В июне 1946 г. архимандрит Вениамин определен был в братство Троице-Сергиевой Лавры и осенью того же года начал преподавание патрологии в Московской Духовной Академии и вскоре представил в Совет Академии свою диссертацию на соискание степени магистра богословия, написанную на тему «Божественная любовь по учению Библии и Православной Церкви». Официальными оппонентами при защите диссертации по постановлению Совета Академии, выступали доценты Н. П. Доктусов и священник о. А. Ветелев.

Перед защитой диссертации архимандрит Вениамин произнес речь, в которой отметил, что в основу своего труда после данных Библии он положил суждения о Божественной любви св. отцов и учителей и великих подвижников Греко-восточной Православной Церкви, так как православно-христианский опыт благодатной любви чрезвычайно ценен, как свободный от всяких крайностей и извращений и опирающийся на истинное догматическое веросознание и бесспорную мораль. Содержанием работы и является раскрытие этого опыта переживания Боже-

ственной любви в святоотеческой и церковно-учительской литературе. Первообраз любви навеки дан людям Троицной любовью Бога, которая открывается человеческому разумению как ревнование о чистоте разумных тварей, как неизреченное смирение и как милование людей, смягчение сердец их и воспламенение их чувствами ответной любви, в которой также можно различать три основных признака — чистоту, смирение и милосердие. Эта триада свойств любви, — говорит далее автор, — выдерживает проверку психологическую и нравственную и через них в любви совмещаются и координируются частные добродетельные разнovidности и подразделения, так что весь закон христианской морали в конце концов подлинно, по Апостолу, заключается в одном слове «любви». А любовь выступает как венец, глава и душа всех добродетелей, существенно простая и вместе троеединая и многокачественная по всеобъемлемости сторон и своих признаков. К любви, по утверждению автора, сводятся и все основные понятия христианского богословия. Переживание христианами благодати Божией, как приподнятого и просветленного состояния любви, — говорит он, — то же, что открытие и развитие в их существе Царства Божия. Содержанием понятия «вечная жизнь» также является благодатная любовь. Начало вечного блаженства, воспринимаемого в условиях земного бытия, содержится в самих переживаниях любви. Бесконечно возрастает она по мере способности любить за гробом, где наступит евангельский брак душ со Христом и любовь, дышащая Единым Господом. Вместе с тем благодать любви есть причина тячайшей загробной антиномии. Души умерших в состоянии утраты любви, по представлении в тот мир, предликом очевидности любви Божией непременно воспламеняются ее желанием. Но нажитые страсти повлекут их с непреодолимой инерцией от Бога под свое владычество. Подавление страстями тяготения любить Бога и ближних вызовет самораздираание и иступление неудовлетворенной любви. Такова психология вечной муки. Далее автор показывает значение любви в акте спасения верою, в христианском мученичестве, в молитве, делах милосердия, в посте и что светом любви пронизана вся система христианской догмы и морали. В заключение, указав, что избранная им тема касается необъятной и серьезной области богословского ведения, диспутант просил оппонентов высказать свои замечания по поводу его выводов.

По окончании прений произведено было тайное голосование, в результате которого архимандрит Вениамин почти единогласно был признан достойным степени магистра богословия, с чем он и был поздравлен здесь же Святейшим Патриархом, вручившим новому магистру установленный для магистров священного сана знак.

Вторая часть акта была посвящена выпуску окончивших Семинарию. Секретарем Совета доложены были краткие сведения о составе курса при его начале обучения в Семинарии и при окончании, причем оказалось, что за время прохождения семинарского курса из первоначального состава отсеялось по разным причинам несколько человек, так что к выпускным экзаменам в составе курса оказалось 22 человека.

После этого окончившие были поздравлены с окончанием курса Святейшим Патриархом, причем каждый из них вместе с благословением Святейшего Патриарха получил из его рук Библию на русском языке с соответствующей надписью в руководство во всей дальнейшей жизни и деятельности. С кратким приветствием к окончившим обратился также присутствовавший на акте член Совета по делам Русской Православной Церкви Г. Т. Уткин.

Затем лучший студент выпускного класса, о. Б. Писарев от лица всех окончивших обратился к Совету Семинарии и всем присутствующим с речью, в которой говорил:

«В жизни как отдельного человека, так и целого общества людей бывают такие знаменательные незабываемые дни, которые сохраняются в памяти до конца жизни. В нашей жизни сегодня именно такой знаменательный день, о котором мы можем сказать словами пророка Давида: «Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны». Сегодня, воспитавшая нас духовная школа открывает свои двери, выпуская нас в жизнь для делания на ниве Господней.

Наши дорогие наставники были для нас не просто преподавателями, сообщавшими нам знание богословских наук, нет — они со всей тепло-той любящего христианского сердца, с отеческой заботливостью воспитывали и возвращали в нас те высокие христианские чувства, которые должен иметь каждый христианин и в первую очередь пастырь Церкви Христовой. Здесь была не наука для науки, а наука для христианской жизни, для живой пастырской деятельности. Спасибо вам, наши дорогие наставники; нет, мало сказать, наставники — наши любящие во Христе духовные отцы; спасибо тебе, наша Духовная Семинария, воспитавшая нас, духовная мать.

Мы счастливы выразить чувства сыновней благодарности нашему Великому Господину и Святейшему Отцу Патриарху Московскому и всея Руси Алексию, под мудрым руководством которого растет и крепнет наша духовная школа, наш дивный духовный Фавор. Мы сердечно благодарим наше Советское Правительство за то исключительное внимание и благосклонность, которые мы видим с его стороны к молодой духовной школе. Мы приложим все силы к тому, чтобы быть достойными пастырями Русской Православной Церкви, достойными делателями на ниве Христовой. Имея перед собой пример наших великих соотечественников — святых, в земле Российской просиявших, великих патриотов своей Родины, достойнейших граждан небесного и земного отечества — св. Александра Невского, Святителя Алексия, преподобного Сергия, Святейшего Патриарха Гермогена, мы будем воспитывать в нашей пастве чувства беспредельной любви и преданности нашей великой матери — Родине.

Вспомнив пройденный путь и видя на себе милость Господа, благодеющего нам, мы в заключение скажем словами великого вселенского учителя и святителя — св. Иоанна Златоуста: «Слава Богу за все».

По окончании акта высоким гостям, преподавателям и окончившим воспитанникам была предложена трапеза, во время которой произнесен был ряд душевных и содержательных речей, обращенных к выпускникам со стороны преподавателей Семинарии.

Ко дню выпускного акта подведены были и общие результаты учебного года Семинарии и Академии, которые выразились в следующих данных. Из 50-ти воспитанников 1-го класса, допущенных к экзаменам, удостоены перевода во 2-й класс — 37 человек, назначены переэкзаменовки семи воспитанникам и шесть человек отчислены из состава воспитанников. Из 20-ти воспитанников 3-го класса переведены в четвертый класс шестнадцать человек, назначены переэкзаменовки трем воспитанникам и оставлен на повторительный курс в том же классе один воспитанник.

Учебный 1947/1948 г. начался 1 октября в составе 188 человек, которые распределялись по классам следующим образом: 1-й класс Семинарии (два отделения) — 57 человек, 2-й класс (тоже два отделения) — 60 человек, 3-й класс — 23 человека и 4-й класс — 23 человека. Итого в Семинарии — 164 воспитанника. В Академии 1-й курс — 12 студентов, 2-й курс — 7 студентов и 3-й курс — 5 студентов, а всего в Академии 24 студента. В течение года из состава учащихся по разным причинам выбыли 16 человек, так что к началу экзаменов всего числилось в Семинарии 146 человек и в Академии 24 человека.

По Академии результаты годичных испытаний выразились в следующих цифрах: с 1-го курса переведены на 2-й — 10 человек, отчислен из состава курса 1 человек и 1 перечислен в состав вольнослушателей с правом сдавать экзамены и зачеты по мере освоения академического курса (что предоставлено ему в связи с исполнением им послушания по академическому храму), со 2-го курса переведены на 3-й — 7 студентов, с 3-го курса переведены на 4-й — 5 студентов.

В состав учащихся в начале минувшего учебного года входили: семь профессоров, в числе которых четыре лица были в священном сане, шесть доцентов, из них двое в священном сане и пять преподавателей, в числе которых также были два в священном сане. В течение года из состава учащихся выбыл один и прибыли двое — профессор и доцент. Таким образом к концу учебного года общее число учащихся составляли 19 человек.

Учебно-воспитательная сторона жизни Духовной Семинарии и Духовной Академии находилась под руководством Совета Академии, в состав которого входили все наставники. Совет Академии и Семинарии имел в продолжение года 13 заседаний, в которых обсуждались разные вопросы учебно-воспитательного характера, в частности: о составе учащихся 1947/1948 г., о распределении их по классам, назначении тем для письменных работ, о прикреплении к каждому классу Семинарии и курсу Академии классных руководителей из числа наставников, об организации их работы с воспитанниками, об успехах и поведении учащихся за первое полугодие учебного года и назначение им в связи с этим стипендий, об организации весенней зачетно-экзаменационной сессии, о переводе духовно-учебных заведений из г. Москвы в Троице-Сергиеву Лавру и отсрочке в связи с этим учебных занятий.

Кроме того несколько заседаний Совета посвящено было заслушиванию отзывов об ученых трудах наставников Академии, а именно, отзывов доцентов Доктусова Н. П. и священника о. Александра Ветелева о сочинении доцента Академии по кафедре патрологии, архимандрита Вениамина (Милова) под заглавием «Божественная любовь по учению Библии и Православной Церкви», представленной автором на соискание степени магистра богословия, также отзыв доцента Доктусова, Н. П. о сочинении преподавателя Семинарии священника о. К. И. Карчевского на тему: «Миросозерцание крестьянина Посошкова Ивана Тихоновича», представленном автором на соискание степени кандидата богословия. Оба автора удостоены искомым степеней.

Хозяйственная жизнь духовных школ находилась под руководством Правления Академии и Семинарии, которое в минувшем году имело 14 заседаний для рассмотрения разных хозяйственно-экономических вопросов, как-то: о заготовке продуктов для общежития воспитанников, об организации их питания, о заготовке топлива, об ежемесячных сметах на содержание Семинарии и Академии, о текущем ремонте зданий, а также о ремонте и приспособлении помещений в Троице-Сергиевской Лавре, переданных Патриархии для нужд духовно-учебных заведений.

Наиболее важными событиями в жизни Духовной Семинарии и Академии в минувшем году, достойными быть отмеченными особо, были следующие.

31 октября, с благословения Святейшего Патриарха Алексия, школа в полном составе учащихся и учащихся совершила паломничество к мощам Святителя Алексия, почивающим в Богоявленском Патриаршем соборе. В этот день академическим духовенством в соборе была совершена Божественная Литургия, а после нее молебен с акафистом перед мощами Святителя.

6 ноября в 7 час. вечера в большой аудитории Лопухинского корпуса

состоялось торжественное собрание учащихся и учащихся, посвященное XXX-летию Октября. С большим вниманием заслушано было учащимися вступительное слово о. инспектора протоиерея С. В. Савинского и доклад доцента Н. П. Доктусова, по окончании которого хором воспитанников, под руководством преподавателя И. Н. Аксенова исполнено было несколько патриотических песен.

17 ноября в академическом храме Божественную Литургию совершал Высокопреосвященный Илия, Митрополит Ливанский, в сослужении с академическим духовенством. В конце Литургии инспектор Академии и Семинарии протоиерей С. В. Савинский обратился к Высокопреосвященному с приветственным словом, в котором выразил радость Академии и Семинарии по случаю молитвенного общения учащихся и учащихся с представителем древней Антиохийской Церкви, благодаря высокого и редкого гостя за посещение возраждающейся духовной школы и просил молитв Владыки о процветании духовного просвещения в Русской Православной Церкви. На память о посещении и служении в академическом храме Митрополиту поднесена была икона Казанской Божией Матери. В ответной речи Митрополит Илия выразил свою радость по случаю посещения России и особенно отметил, что его радует возрождение духовной школы, которой он преподает благословение древней Восточной Церкви, и в знак этого благословения Митрополитом передана была академическому храму частица мощей св. апостола и евангелиста Матфея.

14 ноября вступил в исполнение своих обязанностей ректора Московской Духовной Академии и Московской Духовной Семинарии епископ Казанский Гермоген, назначенный на эту должность Священным Синодом по предложению Святейшего Патриарха Алексия. Должность ректора Академии и Семинарии оставалась незаемленной после смерти протоиерея о. Н. Чепурина, т. е. в течение 9 месяцев, и назначение ректора было большим событием в жизни Академии и Семинарии.

12 декабря Преосвященный ректор сообщил Совету Академии и Семинарии о том, что Московская Духовная Академия получила в свое распоряжение ректорский корпус в Троице-Сергиевой Лавре, что переданное здание им осмотрено и принято, что о состоянии принятого здания о. ректором доложено было Святейшему Патриарху и Священному Синоду и что Святейший Патриарх поручил ему — Преосвященному ректору организовать и возглавить специальную ремонтную комиссию, чтобы к началу следующего учебного года можно было перевести туда обе духовные школы. «Это дело, — сказал о. ректор, — потребует и от всех нас немалых забот и трудов, но сознание того, что мы можем воспитывать будущих пастырей Церкви в священных пределах Троице-Сергиевой Лавры несомненно укрепит наши силы и облегчит достижение возжеленной цели, — жить и работать в благодатной близости от Преподобного Сергия».

Из событий второго полугодия надлежит отметить следующее.

27 января в академическом храме, после вечернего богослужения, настоятелем Николо-Кузнецкого г. Москвы храма, протоиереем А. П. Смирновым, была проведена лекция о главных моментах евангельской истории. Живая, простая и доступная пониманию речь известного московского проповедника, обогащенная художественным исполнением церковных песнопений, невольно останавливающих внимание слушателей на тех или иных событиях евангельской истории на более продолжительное время, способствовала тому, что лекция была выслушана с глубоким вниманием и оставила неизгладимый след в сердцах многочисленных слушателей. Обширный академический храм был полон. Учащиеся Духовной Семинарии и Академии, наставники и профессора, многочисленные богомольцы ушли из храма, выражая

искреннюю благодарность лектору за предложенную им глубоко содержательную и художественно оформленную лекцию.

По установившемуся порядку богослужения в академическом храме накануне воскресных и праздничных дней, и в самые эти дни, обычно совершает Преосвященный ректор Академии и Семинарии в сослужении академического духовенства. Но бывали случаи, когда, с благословения Святейшего Патриарха, служение академического духовенства возглавлялось Преосвященными других епархий, по разным случаям посещающим Москву.

Московские Духовные школы — Академию и Семинарию посетила гостившая в Москве делегация Румынской Православной Церкви, возглавляемая епископом Орадневским Николаем. Делегация посетила Академический храм, аудитории и классы, в которых обычным порядком шли учебные занятия, по окончании которых члены делегации были приглашены Преосвященным ректором Академии в профессорскую комнату, где церковной делегации представлены были профессора и преподаватели Академии и Семинарии.

В воскресенье, 18 апреля в 8 час. вечера в большой аудитории Лопухинского корпуса состоялась лекция кандидата богословия Ленинградской Духовной Академии Л. Н. Парийского о церковном пении. Кроме учащихся и учащихся Академии и Семинарии на лекции присутствовали многие настоятели московских храмов, регенты церковных хоров и много любителей и ценителей церковного пения. Обстоятельная и глубокосодержательная лекция Л. Н. Парийского, по временам иллюстрируемая стройным пением семинарского хора, прослушана была с большим вниманием и неослабевающим интересом. Лекцию почтил своим присутствием Святейший Патриарх Алексий, заключивший ее своим словом. В соответствии с общим содержанием лекции Святейший Патриарх отметил важность вопроса о правильной постановке церковного пения в православных храмах, указав, что церковное пение должно вполне отвечать своему высокому значению, и что лучшим выражением высоких религиозных настроений являются старинные церковные роспевы, ныне почти забытые. Вместо небесной музыки, какая слышалась в древних строгих и величественных роспевах, теперь мы слышим мирское пение, совершенно несоответствующее той цели, которую оно должно преследовать. Поэтому нужно сделать все возможное для того, чтобы изгнать мирской дух из нашего церковного пения и обратиться к древним прекрасным образцам его.

Речь Святейшего Патриарха и обстоятельный доклад лектора вызвали оживленный обмен мнений и, несомненно, многим глубоко запали в души. Доброе семя брошено и надо надеяться, что оно даст соответствующие плоды во время свое.

11 мая в Академии и Семинарии начались экзамены. В течение экзаменационного периода Академия и Семинария несколько раз удостоилась видеть в стенах своих высоких посетителей. Так, Высокопреосвященный Григорий, Митрополит Ленинградский и Новгородский, присутствовал на экзамене по нравственному богословию в 4-м выпускном классе Семинарии. Высокопреосвященный Николай, Митрополит Крутицкий и Коломенский, посетил Семинарию и присутствовал на экзамене по литургии во 2-м классе Семинарии. Святейший Патриарх Алексий присутствовал на экзамене по Священному Писанию Ветхого Завета на 1-м и 2-м курсах Академии.

Таковы наиболее знаменательные моменты учебной жизни Московских духовных школ в минувшем 1947/1948 учебном году.

Проф.—прот. С. В. Савинский

ОТКЛИКИ С МЕСТ О ПРАЗДНОВАНИИ 500-ЛЕТИЯ АВТОКЕФАЛИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

„Воля Божия да совершается над нами!“

(Из письма епископа Игнатия Брянчанинова к игумену Валаамского монастыря Антонию).

18 октября с. г. согласно циркулярному распоряжению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия от 25/VIII 1948 г. за № 1518 во всех православных храмах нашей необъятной Руси и храмах за рубежом происходило празднование 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви.

Знаменательно, что это празднование совершалось в день памяти Первопрестольников Российских Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена, которые жертвенно служили русскому народу, много терпя и страдая за него и всегда свидетельствуя, что Москва является оплотом и хранительницей Православия.

Еще в 1875 г., известный в Православной Церкви проповедник и аскет епископ Игнатий Брянчанинов в своих письмах к своему духовному другу и игумену Валаама Антонию выражает глубокую веру в великую будущность земли Русской и величие Русской Православной Церкви. «Воля Божия да совершается над нами!—пишет он игумену Антонию—Европейские народы всегда завидовали России и старались делать ей зло. Естественно, что и на будущее время они будут следовать той же системе. Молить должно Великого Бога, чтобы Он сохранил духовно-нравственную силу нашего народа — православную веру. Святые отцы Православной Церкви предсказывают России необыкновенное гражданское развитие и могущество» (Из писем Епископа Игнатия Брянчанинова к Антонию Бочкову, игумену Черемнецкому. М. 1875, стр. 12 и 31).

Мощной волной проносится это празднование по всему лицу Великой Родины нашей. В рапортах и телеграммах архипастырей, пастырей и паствы Святейшему Патриарху Алексию от берегов Белого моря и до берегов Черного моря, из далекой Сибири до Азии и с берегов Волги до берегов Балтийского моря — всюду слышится победный голос полный надежды и веры на дальнейшее процветание Русской Православной Церкви и укрепление нашего Отечества, соединенный с молитвой о здравии и долголетию Великому Кормчему Русской Православной Церкви Святейшему Алексию, Патриарху Московскому и всея Руси.

Корнилий, архиепископ Виленский и Литовский, в своем рапорте Святейшему Патриарху Алексию, красочно говорит о праздновании юбилея Православной Церкви в Литовской епархии, где, при большом стечении молящихся, торжественно проходило это празднование, и особенно в г. Вильнюсе — столице Литовской республики. В указанный Святейшим Патриархом день в Пречистенском кафедральном соборе прото-

иерей Иосиф Дзичковский в своем слове после Литургии говорил, что православные люди Литвы всегда взирали на Москву, как на защитницу, покровительницу Православия и в пределах Литвы. Православные люди знали, что свет—с Востока, с Москвы-матушки. И теперь, в наши дни, после только что пережитых Литвой военных разрушений все разрушенные храмы этой страны восстанавливаются с помощью Москвы и Великого Кормчего Русской Православной Церкви Святейшего Патриарха Алексия, который не оставляет своим вниманием и помощью Литовскую Церковь. Те же слова слышатся из слов архипастыря Латвийской Православной Церкви Митрополита Вениамина, архипастыря Эстонской Церкви епископа Исидора и архипастырей Великой Руси.

От всех Православных Церквей слышится утверждение, что и в наши дни Русская Православная Церковь стоит на том же твердом камне чистоты веры Христовой и поныне верна светлым христианским идеалам, ревнуя в то же время о славе, величии и силе нашего земного Отечества.

Все православные люди и их архипастыри и пастыри выражают твердую веру, что и иные овцы, которые «не от двора нашего» придут в спасительную ограду Святого Православия, несмотря на лукавые исхищения Ватикана и других инославных церквей.

Отклики получены из следующих мест: из Архангельска, Астрахани, Бежецка, Белева, Белгорода, Великих Лук, Вильнюса (Литва), Вологды, Воронежа, Горького, Гродно, Измаила, Ижевска, Калининa, Калуги, Кишинева, Краснодарa, Кургана, Курска, Либавы (Латвия), Львова, Минска, Николаева, Новосибирска, Новочеркаска, Панинниemi (Финляндия), Пензы, Петрозаводска, Пинска, Риги, Ростова н/Дону, Рязани, Свердловска, Ставрополя, Сталинграда, Станислава, Сум, Таллина (Эстония), Тамбова, Тирасполя, Тулы, Чернигова, Чебоксар (Чувашия), Ульяновска, Уфы, Ярославля и др.

РЕДАКЦИЯ

речи, проповеди

ЗЕМНОЙ И НЕБЕСНЫЙ ИЕРУСАЛИМ

С л о в о,

сказанное в Троицком Соборе г. Подольска Московской области

«Светися, светися, Новый Иерусалиме:
слава бо Господня на тебе возсия».
(Из канона в день Святой Пасхи).

Есть у нас, дорогие мои, в церковном году особый праздник, совершаемый 13 сентября во славу Воскресшего Господа Иисуса Христа.

В этот день мы призываемся Церковью перенестись своей душой в Иерусалим, но не в годы земной жизни Господа Иисуса Христа, как во все великие двенадцатые праздники, а в тот благословенный день 335 года, когда в Иерусалиме торжественно совершалось освящение храма Воскресения Христова, сооруженного равноапостольным Константином и равноапостольной матерью его Еленой на месте Живоносного Гроба Господня и святой Голгофы.

Так как Св. Церковь в этот день в своих песнопениях прославляет Воскресшего Господа, в какой бы день недели ни случился этот праздник, то самый праздник простой русский народ назвал «словущим», то есть «так называемым» Воскресеньем в отличие от дней воскресных.

Это событие стало праздником на все времена и для всех православных народов. Еще бы! Для православного христианина нет на земле места священнее Палестины и ее сердца — Иерусалима. Святая земля! Это — благословенная небом и землей страна. Иерусалим! Это — город, увидевший последние дни и часы земного подвига Богочеловека. Это — земля, которая приняла в себя капли пота, стекавшего с лица Христова по пути на Голгофу, и капли бесценной Крови, излившейся из истерзанного Тела нашего Сладчайшего Спасителя. Иерусалим — это хранитель величайшей святыни христианского мира: здесь покоится то ложе, в котором тридневно возлежало Божественное Тело Христа Бога нашего. Здесь же, под сводами освященного в 335 году храма Воскресения Христова, возвышается Голгофа, на которой, вися на кресте, испустил Свой последний вздох Искупи́тель мира.

Кто из православных людей всего мира, любящих Господа своего, не носил в сердце мечты побывать на Святой Земле, облобызать своими грешными устами ее святыни, сложить у их подножия лучшие, чистые порывы своей души, своей веры, своей любви к Сладчайшему Спасителю и облить святыне места слезами своего умиления и благоговения? А кому Господь дал это счастье прикоснуться к «Земле Господней» (Пс. 84, 2), тот всю жизнь носил эти священные переживания в сердце,

считал радостью делиться ими с теми, кто не мог побывать в Палестине, и их уносил с собою в ту жизнь, где истинный раб Божий лицом к лицу увидит Господа своего.

Как только вступает паломник на землю священной страны, его сразу обнимает благоговейный трепет: ведь это — земля, исхоженная стопами Господа нашего Иисуса Христа! Эти огромные камни, холмы, скалы видели Господа, когда Он проходил мимо них. Это безоблачное летом палестинское небо было простерто над Богочеловеком и горячее южное солнце ласкало Его своими лучами. Вот по этим дорогам, соединяющим Иерусалим с Иерихоном, Иерусалим с Назаретом, — дорогам с их крутыми поворотами, ходил окруженный учениками и народом Христос. Здесь колосились те поля, идя мимо которых, Спаситель учил Своих апостолов, срывавших колосья, тому, что не человек создан для субботы, а суббота для человека (Мрк. 2, 23—28). Вот колодец Иаковль, у которого сидел Божественный Учитель на пути через Самарию и беседовал с женщиной самарянской о «воде живой».

В окрестностях Иерусалима на высоком месте стоит белокаменный Вифлеем с местом рождения Спасителя мира, покрытым сейчас под сводами храма серебряной звездой. О нем пророчествовал Михей за 700 лет до Рождества Христова: «И ты, Вифлеем, мал ли ты между тысячами Иудинами? Из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою во Израиле, и Которого происхождение из начала, от дней вечных» (Мих. 5, 2).

Невдалеке от священного города — Вифания с гробницей воскрешенного Господом Лазаря; на пути к Иордану — евангельский Иерихон, Сорокадневная гора — место подвигов, поста и молитвы, подъятых на Себя Господом. На восток от Иерусалима несет свои мутные быстрые воды Иордан — свидетель явления миру Пресвятой Троицы. Его берега слышали огненную проповедь Иоанна Крестителя, звавшего людей к покаянию; его воды омывали крещающегося Господа нашего Иисуса Христа. Какой сладкой была в устах нас, паломников, Иорданская вода, когда мы вкушали ее!

На вершине Елеонской горы, вблизи Иерусалима, мы целовали «стопочку» — отпечатлевшийся на камне, как гласит древнейшее предание, след от ноги Вознесшегося Господа. На склоне этой горы, в так называемой Малой Галилее, наш благоговейный взор останавливался на месте явления ученикам Воскресшего Господа, когда Он вкушал из их рук рыбу и хлеб. Неподалеку и место, где ангел явился Божией Матери с вестью о Ее близком Успении.

Гефсиманский сад, место предсмертной Христовой молитвы до кровавого пота, еще имеет в себе несколько огромных старых маслин, с трудом стоящих на своих пробороздивших землю корнях. На окраине Гефсиманского сада — пещера с гробом Божией Матери, из которого Ее тело было вознесено на небо, а при входе в пещеру, по сторонам, — гробницы праведного Иосифа Обручника, праведных родителей Пресвятой Девы Иоакима и Анны.

Даже теперь, когда вспоминаются эти посещенные нами три года назад места, нельзя удержать свое сердце от трепетания!

Вся земная жизнь Господа Иисуса Христа встает перед глазами православного путешественника по Палестинской земле, и трудно в словах отобразить те чувства, какие заполняют душу до верха и, как из переполненного сосуда, изливаются наружу в слезах, молитвенных восклицаниях и покаянных вздохах!

Вот паломник в Иерусалиме. Мы восходим на гору Сион в древней части города. Здесь, в одной из горниц, не сохранившейся до нашего времени, Спаситель прощался с учениками накануне Своих страданий и совершал первую Евхаристию Своими Пречистыми руками. Апостол

Иоанн Богослов здесь возлежал на персях Христовых, и Иуда, в которого вошел сатана, с сверкающими злобой глазами выходил с Тайной Вечери на свое черное дело.

Другая возвышенность Иерусалима—Мория. Здесь останки древнейшего Иерусалимского храма, «Стена плача», и мечеть, построенная на месте того храма, где праведный старец Симеон дрожащими руками держал сорокадневного Богомладенца, где двенадцатилетний отрок Иисус беседовал с иудейскими учителями и фарисеями и откуда Христос изгонял торжников, превративших дом молитвы в уличный базар.

Мы входим в дом праведных Иоакима и Анны, откуда трехлетнюю малютку Марию родители вводили в храм Иерусалимский. Мы с благоговением смотрим на Овчую Купель, у которой Спаситель исцелил тридцативосьми-летнего расслабленного.

Можно ли перечислить все бесценные для христианского сердца святые места священного города!

Мы идем по тем улицам, какие носят имя «скорбного пути». Этим путем Агнец Божий восходил на Голгофу. Дорога начинается с остатков Претория — места незаконного судилища Христова. Мы видим каменную скамью с отверстиями для ног и рук осужденного на смерть; сидя на ней, преступник ожидал казни. Может быть на той скамье, около которой мы остановились, восседал Божественный Страдалец перед Своей искупительной смертью?

Дальше — место падения Спасителя под тяжестью креста; место, где Вероника подала полотенце Господу, обливавшемуся потом в Своем шествии на Голгофу.

Венец духовной красоты Иерусалима — это, конечно, святыни того храма Воскресения Христова, освящение которого совершалось в 335-м году. Проносились над миром века за веками, поколения сменялись поколениями, а это сердце христианского мира продолжает биться своей неумирающей жизнью. Живоносный Гроб Господень, у которого лежит камень, отваленный ангелом от двери гроба при Воскресении Христовом, и Голгофская гора, сохраняющая место водружения на ней креста с Распятием на нем и расщелину в своей скале, — покрытые сводами этого храма, — это место нашего вечного спасения, место победы Господа над смертью и начала нашей новой жизни во Христе Боге нашем!

Хочется восклицать словами псалмопевца Давида: «Хвали, Иерусалиме, Господа! Хвали, Сион, Бога твоего!» (Пс. 147, 1).

Лишь немногим из православных христиан выпадает в их земной жизни радость видеть и лобызать эти драгоценные сокровища христианского мира. Большинство из нас только душой, мыслями, сердцем могут побывать там и только издали воздохнуть ко Господу, созерцая эти святыни только духовными очами.

Хочется напомнить вам в утешение, мои дорогие, что, кроме земного Иерусалима, есть Иерусалим Небесный, названный в слове Божиим «Новым Иерусалимом», вход в который открыт для каждого из нас. Так Священное Писание называет Царство Небесное, куда всех нас по окончании земного пути зовет Божественный Хозяин неба и земли.

В священной книге «Откровение» св. апостол Иоанн Богослов описывает открывшееся перед ним чудное видение: с небес сходит «Новый Иерусалим»; это будет в последний день этого мира, когда Божественный и Праведный Судия скажет стоящим одесную Его: «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25, 34).

Какими восхищенными глазами взидал апостол Иоанн Богослов на этот Иерусалим! Какими восторженными красками он описывал его красоту! Вот что он говорит. Небесный Иерусалим «приготовлен как невеста, украшенная для мужа своего». Сам Бог «будет обитать» с

людьми в этом нерукотворенном городе (Откр. 21, 1—3). Насельники этого города «не будут ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце, и никакой зной» (Откр. 7, 16). «И отрет Бог всякую слезу с очей их». Там не будет «ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло»; «и смерти не будет уже» (Откр. 21, 4). Этот небесный город «имеет славу Божию» (Откр. 21, 11). «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их». «Спасенные народы будут ходить во свете Его». «И будут царствовать во веки веков» (Откр. 21, 24; 22, 5).

Двери в Небесный Иерусалим открыты для каждого из нас. Взошедший на небо Господь Иисус Христос ждет у врат Своего Небесного города всех нас. И вот что нужно для того, чтобы войти в этот Небесный Иерусалим: «Не войдет в него ничто нечистое... а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Откр. 21, 27). Надо вписать в книгу вечной жизни свое имя, вписать его своей верой и своею жизнью со Христом и по Христовым заповедям. Надо очищать свое сердце от житейской и греховной грязи, чтобы оно было способным «узреть Бога», согласно обещанию Спасителя. Нужно приготовить в дни земной жизни для своей бессмертной души «брачную одежду» из дел нашего милосердия, прощения, неосуждения, безгневия — того, что составит вечное и бесценное «сокровище на небесах» (Лук. 12, 33).

Будем идти, мои дорогие, неуклонно вперед по пути ко Христу для соединения с Ним навеки! Не дадим греху возобладать над нами и лишим нас входа в Небесный Иерусалим! И Господь, освятивший земной Иерусалим Своею Смертью и Воскресением, да даст нам радость, при одной мысли о которой замирает наше сердце, поклониться Ему уже не в Иерусалиме Палестины, а в Иерусалиме на новой земле и под новым небом.

Митрополит Николай

С т а т ы

«МИР МИРОВИ ТВОЕМУ ДАРУЙ»

В своем послании от 7 ноября 1947 г. Святейший Патриарх Алексий писал: «Да будет она [наша Родина. Н. Х.] и впредь стражем и глашаемым благословенного мира для всех народов». А Предстоятели и Представители Православных автокефальных Церквей в своем обращении к христианам всего мира (от 17 июля 1948 г.) сказали так: «Никто не станет оспаривать, что империалисты, большие и мелкие, террористы, диктаторы и человеконенавистники всех видов взяли на себя сатанинскую роль подстрекателей и подготовителей нового сумасшедшего человеческого самоистребления». И опасения Предстоятелей Православных Церквей и убежденность Патриарха Алексия в великом назначении нашей Родины, — все это имеет бесспорные основания.

Разве не видно всем, что сейчас, когда наша Страна, успешно заживая раны минувшей войны, стремится к одному только миру между всеми народами, желает уничтожения всех причин, порождающих ненависть и злобу между людьми, — сейчас, в этот именно момент, мы слышим истерические вопли о необходимости новых военных союзов, о создании мощных стратегических баз, о новых войнах и новых переделах мира. Разве то, что мы видим в Греции, Китае, Индонезии, Палестине не война? Разве «доктрина Трумэна», пресловутый «план Маршалла» — это не есть беззастенчивое наступление на демократию, наступление на суверенитет народов и на подчинение их жадным законам Уолл-Стрита?

Разве последние выступления Черчилля у себя дома и англо-американского блока на 3-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН не показывают всему миру опасности атомной дипломатии?

Отсюда опасения всех простых людей, всех христиан не по имени только — вполне понятны. Но Ватикан всю эту человеконенавистническую политику силы, доллара, нажима на демократические и прогрессивные идеи, все гнусные антисоветские выступления объявляет согласной с политикой «святого престола». Положим, для Ватикана здесь нет ничего удивительного и нового, ибо «доблестью непогрешимого наследника Бога на земле, папы Пия XII, является в глазах его почитателей... участие в разжигании братоубийственных войн, в борьбе с демократией и защита фашизма»¹.

Папе мы не удивляемся.

Но некоторым Представителям Православной Церкви, ориентирующимся на дешевую и избитую пропаганду о коммунистической опасно-

¹ „Ж. М. П.“ „Специальный номер“ 1948 г., стр. 24.

сти не следовало бы раздирать «хитон Христов» и (вольно или же невольно) объективно лить воду на мельницу фашиствующих долларопоклонников.

Сейчас для всех должно быть предельно ясно, что «мир разделится на два лагеря»¹: на лагерь империалистов англо-американского блока, замысливающих о войне против СССР, и стран новой демократии, желающих подчинить своему капиталу Европу и Азию, и на лагерь непрерывно растущих демократических сил, сплывающих все передовое человечество и возглавляемых Советским Союзом.

СССР ярко демонстрирует свое желание мира. Возьмем хотя бы последнее постановление Правительства СССР «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов, для обеспечения высоких устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР».

О чем оно говорит? Да только о том, что наша Страна, планируя такие грандиознейшие работы, думает исключительно о мире. И лучшей зарубежной печатью этот акт расценивается как «создающий атмосферу надежды и мира». Этот акт и им доказывает, что СССР «видит спасение человечества в победе над природой на благо человечества, а не в ужасах атомной бойни» («Известия» от 28 октября 1948 г., стр. 3).

Да, мы знаем, что «глаголы вечной жизни» у Христа, но и по Христу в нормальной человеческой жизни не должно быть места господству, рабству, эксплуатации; жизнь людей должна основываться на законах любви и служения больших меньшим². Слова Спасителя: «вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою» (Мф. 20, 25—26)—говорят сами за себя. Ведь и со Своей проповедью Господь, главным образом, обращался к трудяющимся и обремененным (Мф. 11, 28) и к людям труда, простым и неученым (1 Кор. 1, 26—29). Христос показал, что эти простые люди не только не хуже книжников, фарисеев и знатных «мира сего», но часто и лучше их (Мф. 20, 16 и др.).

И значит, вполне закономерно, если христиане и с гражданской и с религиозной точки зрения будут защищать дело мира. Процесс развития человеческой жизни и человеческого общества зависит от самого человека и от самого общества (Мф. 7, 12). Христос дает руководящую линию поведения (Мф. 10, 28; Иоан. 4, 7—11) в направлении к абсолютной общечеловеческой цели (Мф. 5, 48), одним из важнейших звеньев которой и является мир между народами. Всех же «миротворцев» — типа Черчилля, Даллеса и др. еще апостол Иоанн давно назвал «лжецами» (1 Иоан. 4, 20), ибо их какая-то зоологическая ненависть к большинству трудящихся людей резко проявляется и в делах и в словах. Ведь они уже дошли до того, что не стесняются заявлять перед миром о своих разбойничьих и захватнических планах. И это понятно, ибо «политика нынешних руководителей США и Англии есть политика агрессии, политика развязывания новой войны» (Сталин — «Правда» от 29 октября 1948 г.).

«Но все эти преступные попытки поджигателей новой войны должны кончиться позорным провалом» (Сталин). «Тьма не должна объять свет», если, конечно, «сыны света» будут активно противодействовать черным замыслам поджигателей войны, если мы будем едины в том, чтобы не быть «орудиями темной силы»³.

¹ Ср. Мф. 18, 1—4; Лук. 9, 25—27; Иоан. 13, 4—15 и др.

² „Ж. М. П.“ Специальный номер 1948 г., стр. 12.

³ „Ж. М. П.“ Спец. номер 1948 г., стр. 32.

сударством, в состав которого она искони входила под именем Червонной Руси. Казалось бы, что теперь история вплотную подошла к разрешению нашей трехсотлетней тяжбы с Ватиканом, вопроса о воссоединении с Православной Церковью галицийских униатов. Увы, века церковнополитического гнета успели наложить свою неизгладимую печать на психику униатской массы, в душах которой продолжала жить кошмарная фигура «кровавого Иосафата» (Кунцевича), этого жестокого гонителя Православия, мрачный образ Талергофа, этого страшного застенка, где австрийское правительство гноило сторонников православной России; в памяти галицийского народа оставалась еще свежей устроенная австрийцами резня воссоединившихся униатов во Львове после оставления его русскими войсками в 1915 г.; не без влияния на настроение униатских масс оказались также доносившиеся из националистического лагеря голоса, усматривающие в религиозном воссоединении с Москвой измену нации, придерживающиеся лозунга: «лучше тиара, чем куколь»; наконец, многие униатские священники, получившие вместе с воспитанием в униатских, а нередко и католических, академиях и семинариях римскую закваску, протянув свои руки к «ралу», пугливо оглядывались назад, на Запад. И невольно хотелось спросить¹, кто при такой сложной психологической и политической ситуации найдет в себе силы нарушить религиозную косность униатских масс, удалить из них выработанную веками боязнь преследования, воспламенить их души любовью к вередов и прадедов; кто, обнажив всю ложь и неправду католицизма, дерзнет уничтожить обаяние его авторитета в глазах униатского духовенства и поведет последнее за собой; чей, наконец, голос зазвучит открытым призывом к воссоединению с любовью открывающей свои объятия Матерью-Церковью некогда «отторженных насильем» ее детей?!

Этот голос зазвучал скоро после освобождения Галиции от папского ига и фашистского гнета; он зазвучал в самом «униатском Риме» — во Львове; он звучал, как звон набата, он был слышен в Галиции, Волыни, Закарпаты, во всей Европе; этот голос настойчиво звал униатские массы Галиции вернуться к вере своих дедов, вере, с которой их связывала кровь 500 православных убитых во Львове, когда под стенами его стояло войско Хмельницкого, кровь Наливайки, Острицы, Железняка, Гонты и других многочисленных руководителей казачьих восстаний, вызванных религиозным гнетом, кровь многих тысяч мирных украинцев, умерших в корчах на колыях, на которые они были посажены злобным ренегатом Православия печальной памяти князем Иеремиею Вишневецким. Этот голос, скоро нашедший живой отзвук в тысячах душ галицийских униатов, принадлежал настоятелю Преображенской церкви г. Львова, протопресвитеру, а в то время только скромному Львовскому декану, о. Гавриилу Костельнику. Не ограничиваясь этим призывом, о. Костельник посвятил массу времени, силы и энергии организации самого воссоединения — события колоссальной исторической важности, нашедшего свое завершение на Львовском соборе 1946 г. и справедливо ставящего имя о. Костельника наряду с именами Георгия Конисского и Иосифа Семашко. Однако, и после Львовского собора о. Костельник с присущей ему энергией продолжал углублять и расширять дело воссоединения, закреплять положение Православной Церкви в Галиции; чтобы убедиться в этом достаточно видеть номера «Львівського Вісника», в каждом из которых вы найдете проповеди отца Костельника, глубокие по своему смыслу и увлекательные по форме с доминирующим в них лейтмотивом — благодарностью Господу, даровавшему возможность обрести «добраго бисера» — веру Православную и с призывом к тому же всех колеблющихся. Но особенно замечательны принадлежащие

¹ Автор этих строк находился в это время во Львове.

перу о. Костельника статьи, в которых он, обнаруживая богатейшую богословскую эрудицию, с присущим ему оттенком тонкого юмора беспощадно разоблачает всю беспочвенность догматических новшеств Рима и его исторические неправды.

И вот о. Костельника не стало; не стало пламенного церковного трибуна, деятеля, с именем которого отныне неразрывно связано массовое воссоединение униатов, дело огромной церковно-исторической значимости; злодейская рука неожиданно прервала эту богатую по своему внутреннему содержанию и многоплодную для Святого Православия жизнь. Мы не знаем, кому принадлежит эта рука, но, несомненно, она не принадлежит личному врагу о. Костельника, поскольку их у него не было; его поразила рука его идейных врагов, противников воссоединения, и если, по словам древней поговорки «все дороги ведут в Рим», то не имеем ли мы и здесь дело с незримой нитью, протянутой от Львова к Ватикану?!

Когда-то, уже после своего увлечения католицизмом, Владимир Соловьев выразился о Римско-католической Церкви:

„Она небес не забывала,
Но и земное все познала,
И пыль земли на ней легла“.

Хорошо, если только пыль, а если, страшно сказать, и капли еще свежей крови?!

Как ни возмутителен сам по себе этот факт убийства, он лишний раз красноречиво подтверждает всю правоту того дела, за которое отдал свою жизнь о. Костельник, ибо правда для своего утверждения не нуждается в убийстве из-за угла; это — метод темной, боящейся света, неправды. И тем не менее чувство щемящей скорби невольно охватывает душу при мысли о насильственно прерванной жизни выдающегося современного церковного деятеля, и сердце невольно обливается кровью при мысли об убийстве ревностного борца за правду.

Пусть же он, чей, всецело проникнутый исканием правды, жизненный путь вплотную столкнулся с водоворотом исторической бури, найдет «глас хлада тонка» и вечное упокоение в лоне Высочайшей Правды.

Протоиерей Евгений Садовский

ЗА ГРАНИЦЕЙ И НА РОДИНЕ

Прожил я почти тридцать лет за границей, т. е. почти всю мою жизнь, ибо мне теперь только тридцать четыре года. Скоро исполнится год, как я вернулся на Родину. Знаю, что многие мои друзья и знакомые, проживающие еще за границей, если бы имели возможность, спросили бы меня, не жалею ли я, что вернулся на Родину. Хотя и прожил я почти всю свою жизнь за границей, все же я не слился с тамошними народами и не пожелал жить там дольше. Будучи сыном столь великой Родины, невозможно ее не любить, невозможно согласиться быть навсегда оторванным от нее. Родители мои с детства научили меня любить Отечество, и в очень раннем возрасте у меня зародилось желание увидеть родную землю.

22 июня 1941 года... Памятная дата для всех сынов нашей Великой страны. Враг вероломно нападает на СССР. Многим из нас, живущим за границей, приходится пострадать за Отечество; кто сослан в ссылку, а кто за него полагает и жизнь. Моя участь была более легкой: я, через гестапо, был выслан из Бельгии, где был в то время настоятелем прихода в г. Антверпене, во Францию, по доносу одного из моих прихожан, не постеснявшегося продать себя врагам своего Отечества. Ибо, с самого первого момента войны, я стал проповедывать, что мы не можем быть с врагом нашей Родины, а что должны ему всячески вредить, чтобы, хоть в какой-то мере, облегчить участь наших братьев, которые проливают кровь свою за свободу Отечества. Здесь, во Франции, я встречаюсь с новыми людьми. Удастся мне наладить связь с советскими военнопленными. Вы, кто читаете эти строки, и которые меня знали тогда, вспомните, как щедро вы откликнулись на мои призывы жертвовать съестные продукты и одежду в пользу наших пленных. И, несмотря на то, что и сами во всем нуждались, вы все же отрывали от себя, а может быть, и от детей своих, хлеб и другие припасы, чтобы поделиться с братьями, находящимися в нужде. И те, которые не боялись пролить свою кровь за спасение Отечества, в тот момент шли на последнюю жертву, пренебрегая всякими угрозами, даже — смертью, отказывались работать как бы то ни было на немца. Но, пришло освобождение от чужого ига. Остались советские военнопленные, ожидавшие возвращения на Родину. Вспомните, как вы тогда интересовались и расспрашивали меня, когда я возвращался из их лагерей. Вспомните, как вы проливали слезы радости, что самим вам удалось встретиться с родными братьями — соотечественниками, от которых вы были почти тридцать лет оторваны. Какое искреннее желание зародилось тогда во многих из вас — вернуться поскорее на Родину. В то время и окружавшее нас чужое нам население восхваляло нашу Родину, и не было для него лучшей страны, чем Советский Союз... Но время прошло, политические обстоятельства изменились. Иностранцы, завидуя внешним и внутренним успехам нашей Родины, стали все больше и больше в прессе

нападать на нее. Многие из нас поддались этой пропаганде. Более же стойкие и любящие с большей силой свое Отечество, остальным верными своим убеждениям и, не взирая ни на что, продолжали добиваться скорейшего возвращения на Родину. И они избрали благую часть — Правительство нашей страны пошло нам навстречу и дало нам возможность осуществить наше давнишнее желание вернуться на Родину. Все вы, вероятно, помните, какая еще в прошлом году велась ложная пропаганда вокруг нашего отъезда. Говорили, что никогда нас на Родину не отправят, а, если и отправят, то сошлют в Сибирь и будем мы там прокладывать дороги. Запугивали нас даже расстрелом: «Вот, увидите, — говорили враги страны нашей, — вы туда приедете, и вас сразу же расстреляют или повесят». Одни называли нас храбрыми, а иные безумными, когда узнавали, что мы собираемся ехать в Советский Союз. Интересно, что говорят они о нас теперь? Как должны были бы завидовать нам, а, вероятно, в душе своей и завидуют нам те русские люди, которые подпали под эту иностранную пропаганду и сами содействуют ее распространению.

14 октября 1947 года, отслужив напутственный молебен во дворе казармы, которая была нашим последним пристанищем на французской земле, мы покинули пределы Франции.

Каждый круг колеса нашего поезда приближал нас к вожденному пристанищу.

Приезжаем мы в небольшой городок Германии, где нам предоставляется возможность немного отдохнуть от длительного и утомительного путешествия. На вокзале нас встретили с военным оркестром. Ждали нас у станции машины, которые повезли нас в специально отведенную для нас, отлично оборудованную казарму. Здесь, как и в течение всей дороги, мы были окружены любовью и вниманием военных чинов, которым было поручено доставить нас на Родину. Мне, лично, отводят отдельную комнату, с хорошей кроватью, с мягким матрацем. Кормят нас так, что мы не можем всего съесть, хотя и приготовлено очень вкусно, и несмотря на то, что мы недавно только сошли с полуголодного французского пайка. Проведя здесь, в отличных условиях, несколько дней, мы снова погрузились на поезд для дальнейшего следования на Родину. Вот проезжаем мы Польшу. Перед нашими глазами полуразоренная немцами Варшава. Приближаемся мы к родной границе. Трудно описать то состояние, которое мы испытывали, приближаясь к родной земле. Мы считали километры, часы и, даже, минуты, которые нас отделяли еще от границы нашей страны. Но, вот пришел момент, когда наш поезд, покидая чужие пределы, оказывается на родной нам земле. Как мы благодарили Господа за то, что Он нас сподобил такой радости, и как мы были признательны нашему Правительству за то, что оно дало нам возможность осуществить давнишнее наше желание. Какими радостными песнями покрывался шум колес наших вагонов при въезде на Родину.

Как милы нам кажутся русские поля, русские просторы.

С каким неописуемым чувством радости мы заговариваем с нашими братьями, которых Господь сподобил никогда не расставаться с родной землей, и которые всю свою жизнь прожили здесь. Узнав от нас о том, что мы едем на Родину для того, чтобы больше никогда, ни при каких обстоятельствах не расставаться с ней, они нас радостно приветствуют.

После формальной и очень быстрой проверки наших документов, мы выходим из поезда в городе Гродно. Здесь нас опять встречают приветственными речами и на машинах отвозят в приготовленный для нас лагерь, откуда мы через три дня разведемся в разных направлениях. Я в свое время подал прошение ехать в Москву. Это мое желание

удовлетворено и я оказываюсь назначенным Святейшим Патриархом нашим в Троице-Сергиеву Лавру.

Приехали мы с моими спутниками в одиннадцатом часу вечера в столицу нашей Великой Родины.

Она только что отпраздновала Тридцатилетие Советского Строя, и вся была еще освещена, и так красива.

Я сразу же отправился в Патриархию, где меня любезно приняли и устроили на ночлег. Проведя здесь четыре дня, я отправился в Троице-Сергиеву Лавру, которая находится в 72-х километрах от Москвы и куда ходит прекрасный, очень удобный, электрический поезд. Здесь меня очень любезно встретил Наместник Лавры, о. архимандрит Иоанн. Мне отвели отдельную, прекрасную, заново выкрашенную и очень теплую келью в братском корпусе. Из ее окон — прекрасный вид на Загорск с его обильной зеленью, на территории которого находится Лавра. Вскоре я получил послушание от Патриархии, которое меня обязует часто ездить в Москву и это дало мне возможность познакомиться с ней.

Москва прекрасный европейский город, по моему мнению, гораздо красивее, богаче и чище Парижа, с большими широкими бульварами, поражающими даже европейских гостей, с большими домами, стиль «модерн», с самым лучшим в мире метро, станции которого отделаны мрамором. Ездить в нем представляет сплошное удовольствие. Здесь нет, как в Париже, бесконечных, больших и малых лестниц. Здесь, на каждой станции, действуют электрические эскалаторы. Люди одеты не хуже парижан, но сильно отличаются от последних своей вежливостью и любезностью. Мне никогда не приходится стоять ни в поезде, ни в метро, т. к. сейчас же предлагает место молодой человек или девушка. Спросишь какую-либо улицу, так не только объяснят обстоятельно, но еще и проведут до нужного места. Как милы милиционеры, всегда очень почтительно приветствующие вас и любезно дающие необходимую справку. Поражают обилием своих товаров и красотой своей убранныости, московские магазины. Здесь вы можете купить все, что пожелаете, и в любом количестве. И чего-чего только здесь нет... Ведь в нашей стране уже почти год как отменены все карточки, как на предметы питания, так и на одежду. Как неверны те слухи, которые распускаются за границей, согласно которым в Советском Союзе нельзя одеться, что здесь нет материй. Скажу вам искренне: их здесь больше чем во Франции, и цены на них доступнее, чем там. Понятно, что нам так завидуют иностранные государства, не сумевшие до сих пор наладить у себя после войны нормальную жизнь, как это смогли сделать в нашей стране.

Живу я теперь в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Участвую в ее прекрасных монастырских богослужениях. Смотрю на богомольцев, стекающихся сюда со всех концов страны для того, чтобы приложиться к святым мощам Преп. Сергия. В Лавре можно встретить и москвичей, и крымлян, и дальне-восточников, и жителей далекого Севера. Как прекрасно все они молятся! Мы, за границей, отучились молиться. Невольно льются из глаз слезы, когда смотришь с какой верой молятся здешние люди.

Нет, прожил я уже здесь почти год, и не раскаялся в том, что покинул Западную Европу, в которой вырос и воспитался, и с которой, казалось бы, должен был сжиться на веки. Не раскаялся и не раскаиваюсь в том, что приехал на давно желанную и горячо любимую, но почти мне неизвестную Родину. Наоборот, непрестанно радуюсь и благодарю Господа, что хожу своими ногами по родной земле и что живу среди родного народа. Я здесь живу в монастыре, но получаю не только морально-духовное удовлетворение, гораздо большее, нежели получал на приходе во Франции или в Бельгии, и материально я здесь

гораздо лучше обеспечен, чем там. И мне сейчас кажется странным, что есть люди, которые поддаются ложной иностранной пропаганде и клеймят свою Родину, не признавая ее даже за свою и не желая вернуться в нее. О, как хотелось бы убедить этих людей в искренности моих слов, в том, что все, что говорится скверного о Советском Союзе, является чистейшим измышлением и ложью. Как хотелось бы мне убедить всех вас, моих друзей и бывших духовных чад, в том, что вы здесь были бы несравненно счастливее, чем за границей. Некоторых моих прежних знакомых, вернувшихся со мной и раньше меня на Родину, я уже здесь встречал. Ни один из них не жалеет о своем возвращении, а все горят большим энтузиазмом и желанием отдать все свои силы на служение своему народу. Встречал я также здесь и бывших военнопленных, которых обслуживал в свое время во Франции. Они смеются, когда расспрашиваешь их об их участии непосредственно по их возвращении на Родину. Ведь за границей, и особенно в Англо-американских лагерях в Германии, наших братьев запугивают всякими небылицами, не желая их отпускать в Советский Союз. Все эти запугивания основаны на лжи и никак не соответствуют действительности. Ко мне приезжал в гости один юноша, проживший у меня во Франции несколько месяцев в ожидании возвращения на Родину. Он был военнопленным, спасся в свое время от немцев, был в Американском лагере в г. Шербурге, во Франции, и, познакомившись со мной, когда я обслуживал этот лагерь, переехал на временное жительство ко мне. Как только началась отправка на Родину, он уехал в лагерь «Борегар», что близ Парижа, и через два или три дня был переправлен на самолете в Советский Союз. Он теперь проживает у себя дома, где жил и раньше, в Московской области. Узнав о моем приезде, он поспешил повидаться со мною. Нашел я его цветущим, жизнерадостным. Он мне поведал, что отбыл уже военную службу, и теперь работает кассиром в школе, успел уже жениться и полон надежд на будущее.

Сильно он смеялся, когда я ему рассказал о том, что говорят за границей о судьбе возвратившихся на Родину бывших военнопленных.

Когда я ехал на Родину, то в том же поезде, что и я, ехало из Германии несколько молодых людей, бывших военнопленных. Они мне рассказывали, как запугивают их в лагерях, всячески удерживая их от возвращения на Родину. Одному из них, когда он изъявил желание вернуться к себе домой, ради насмешки, обстригли волосы под машинку и издевались над ним. Отпустили же их только потому, что от тяжелой работы и голода они заболели чахоткой. Советские власти им предоставили хорошие условия для путешествия, поместили их в санитарный вагон и питали их хорошей пищей.

Дорогие друзья мои, бывшие мои духовные чада, читая эти строки, вы, может-быть, найдете в них даже когда-то вами самими произнесенные слова. Вы меня хорошо знаете. Знаете, что я не люблю кривить душой. Некоторые из вас, сами некогда меня предупреждали, чтобы я был поосторожнее в тяжелые дни немецкой оккупации. Вспомните мои с вами разговоры. Я никогда не боялся высказывать то, что я думаю. За это, вы сами знаете, я в свое время и поплатился, когда немцы меня выслали, после допроса в «гестапо», во Францию. Поверьте, что если бы хоть немного что-либо мне не правилось бы у нас, на моей общей с вами Родине, то вы не читали бы в настоящее время этих моих строк, я их не написал бы. Пишу их исключительно по той причине, что мне хотелось бы убедить вас, моих дорогих друзей, и всех, кто будет читать их, во лживости той пропаганды, которая ведется против Советского Союза. Мне хотелось бы, чтобы вы поверили моим словам, а не тому, что вам говорят враги нашего Отечества. Я желаю всем вам, исключительно добра, а не зла.

Не взирая на то, что вы уже привыкли к насиженным местам, на то, что есть у вас родственники французы, или бельгийцы, или какой-другой национальности, на то, что вы там занимаете какое-то привилегированное положение, наконец, на ложную пропаганду, бросайте все и приезжайте сюда.

Смею вас уверить, что здесь вы найдете себе и более удобный уголок, и лучших своих русских родственников, и лучшее даже положение, ибо все будущее принадлежит теперь исключительно нашей могучей стране. Вы здесь получите и морально-духовное и материальное удовлетворение для себя несравненно большее, чем там.

И вы, бывшие военнопленные и вывезенные немцами на работу, страдающие по сию пору в лагерях Германии и в других странах, не верьте той ложной пропаганде, которой вас питают. Поверьте, что двери на Родину вам открыты, и что ваши родные и друзья с нетерпением вас ждут. Будьте уверены, что найдете здесь кров и работу, и будете благоденствовать, как и другие ваши товарищи, уже вернувшиеся домой.

Игумен Павел (Голышев)

ДЕНЬ У ДРУГА

В годы раннего детства одной из любимейших игрушек наших была разборная модель Троице-Сергиевой Лавры. Ее делали прославленные кустари Сергиева посада и она расходилась по всей России. И все равно, — была ли это дорогая, сверкающая лазурью, золотом и белым лаком, в тонкой резьбе, с цветной фольгой окон, занимающая целый стол, точная копия монастыря, или просто коробка деревянных лакированных чурок, еле тронутых торопливым долотом мастера, — все равно восхищала нас она своими стенами и башнями, трапезной, часовнями, церквями, соборами и высокой, сверкавшей золотым венцом, колокольной. Все это сложное сооружение надо было расставить строго по плану... Почти полстолетия прошло с тех безмятежных дней, и вот довелось мне счастливыми и благодарными глазами увидеть то несказанное великолепие, слабый образ которого волновал когда-то неискушенное мое сердце.

В чудесный день ранней осени я сел в комфортабельный вагон электрического поезда, идущего с Ярославского вокзала Москвы. Мимо зеркальных окон побежали сады, берзовые и сосновые рощи, санатории, дачные домики с мезонинами, балконами, верандами, башенками и фонариками, — резные, нарядные, напоминающие старинные часы-кукушку. Проехали Лосиный остров, Мытищи, Хотьково, откуда шестьсот лет назад молодой инок, сын знатной семьи, ушел в «пустыню», — на вершину дикой горы Маковец, и там в лесной девственной чаще положил начало скиту, прославившему потом на века это пустынное место... Поезд бежал дальше, вдоль перелесков, уже сменявших зеленый убор на багряные наряды осени, мимо сжатых полей, холмов, овражков. Какое все в этих подмосковных местах срединно-русское, вековое, спокойное, исконное — завязь и сердце страны! Именно отсюда, уже по-настоящему, прочно и навсегда «пошла есть» русская земля, здесь укреплялось начальное дыхание необъятно-огромной державы, примирившей олений мох и льды Арктики с субтропической пальмой. На всем лежит здесь отблеск этой начальной России, — на белостволых березах, зеркальных речках, прозрачнейшем воздухе, синем глубоком небе, пашнях и тихих долгих закатах...

Увлеченный неповторимым нестеровским пейзажем, я не заметил, как влево, над светлой гребенкой леса, встала и ровно поплыла в небе золотая чаша под крестом лаврской колокольни, — совершенно необычная, непривычная для глаза, чем-то напоминающая об индийской пагоде, — а через несколько минут во всем сверкающем, славословящем великолепии поднялись лаврские соборы. Этот слепящий экран белых стен, эти сказочные башни, эти золотые и синие, сферические и шатровые купола, увенчанные золотыми крестами в цепях, встали сильно и неожиданно и захватили, зачаровали всех, высадившихся с поезда. Приехавшие издали богомольцы, иностранцы-туристы, местные жи-

тели, шли молча, иные сняв головные уборы, не замечая дороги, не отводя замороженных глаз от этой непередаваемой красоты, в которой были и монолитная собранность и тяжесть горного хрусталя и такая, вместе с тем, бесплотная легкость, такая хрупкая тонкость, благородство, изящество, что мне казалось, — вот рассеется это видение, сольется со сверкающим синим небом, как едва померещившись, уходит, сливается с прозрачными водами озера потонувший град Китеж.

Я остановился в гостинице против монастыря, совсем близко от него. Было тихо, тепло. Я сидел на деревянном крылечке гостиницы, смотрел, как сверкала в уходящем солнце, плавилась в его густорозовых лучах золотая чаша. Я не помню, кому принадлежит выражение «гениальность места», когда идет речь о гармоническом сочетании того, что создано природой и что сотворено человеком, но на вершине этого широкого холма нельзя представить себе ничего более выразительного и убедительного, более глубокого по смыслу и величаво-красивого, чем эти стремящиеся в небо соборы, с предельной ясностью выражающие все напряжение утверждающей себя, объятый высоким духовным порывом, тогдашней, начальной Руси...

В лимонно-желтые, все густевшие, переходившие в тяжелые вишневые тона был окрашен закат. Пахло боровой свежестью и осенним листом, прошли грузовики с золотыми ржаными снопами; от моста в гору к воротам Лавры быстро поднимался молодой монашек. Потом стемнело, в далеком небе загорелись звезды, и я ушел к себе, в опрятный номер гостиницы с кружевными занавесками на окнах. А среди ночи проснулся, и в памяти моей резко встали видения, приведшие меня сюда, к священным стенам прославленного монастыря.

* * *

Северное побережье Франции, прославленные курорты, нарядные коттеджи и дворцы миллионеров, автомобили лучших мировых марок, яхты, великолепные пляжи, казино, балы, карнавалы, дансинги, рестораны, блеск, изысканность, пышность, — все, что может представить себе фантазия избалованного жизнью, пресыщенного ее утехами человека «избранного общества».

А несколько в глубине материка встает одно из видений жизненной прозы, обнажается та основа, на которой покоится утонченное великолепие побережья. Непрерывно дымят в сером небе черные трубы огромного завода и по ночам зловеще-багровым пламенем ложатся на поля и холмы отблески доменных печей. Сотни полуголых людей суетятся у огня, кранов, ковшов, цепей и тысячи стоят у станков в длинных корпусах рядом. Суровой горечью, злобой и безнадежностью ложится пламя печей на человеческие лица. Тень беспощадного Молоха поднимается в гигантских клубах черного дыма над высокими трубами завода. На заводе льется сталь и делаются пушки, пулеметы, минометы, ружья. Хозяевам завода безразличны судьбы рабочих, им чужды интересы вообще всего человечества. Хозяева знают одно, — что войны несут им много денег. А хозяевам нужно много денег, чтобы иметь вот эти дворцы, автомобили мировых марок, яхты, самолеты, скаковые конюшни, чтобы снабжать деньгами парламентариев, покупать печать, иметь ставленников в правительстве, чтобы прочно чувствовать себя господами страны.

В рабочем городке Коломбель около завода живет несколько сот иностранцев — русских. Страшна их жизнь. Им некому пожаловаться на горькую свою долю, некому заступиться за них, отстоять для них даже те ничтожные права рабочего скота, которые есть у остальных, местных людей. Они — бесподанные, отщепенцы, парии. Каторжный

труд, ничтожная его оплата, ежеминутная опасность аварий, жалкий тюфяк казарменного общежития, беспросветность, безнадежность, приближение старости, потеря трудоспособности, больничная койка, сосновый гроб в общей могиле. Неделя нечеловеческой работы, а в день отдыха, — столик в досчатом бараке ресторана, бутылка водки, пьяные тяжкие слезы.

«Страшно, унижительно, позорно. Неужели же это навсегда, до конца дней? Нет, надо искать выхода», — слышны голоса в бараке.

Но нет выхода. Выход один, — уйти из жизни, удавной петлей или прыжком в расплавленный металл покончить счеты с нею.

Чужбина. Черная пустота, могильный мрак, смертная тоска в сердцах. Но где-то за ними, в сокровенной глубине все еще теплится слабый огонек надежды, сознания своей принадлежности к великому народу, к прекрасной стране, к вере отцов... И вот среди закопченных домов французского города на пустыре над обрывом встает белостенный небольшой православный храм с зеленой луковкой купола, с крестом в цепях. Он построен на трудовые гроши, вся утварь и убранство его сделаны заскоружеными руками прихожан в часы рабочего перерыва. И по субботам и воскресеньям плывет над чужими домами робкий и радостный перезвон, будя в сердцах отчаявшихся людей робкую надежду, что может быть еще будет найдена дорога в жизнь. Настоятель нового храма — молодой иеромонах — еще мальчиком, во время первой мировой войны очутившийся на чужбине, учившийся где-то в Бельгии, потом окончивший богословский институт в Париже и принявший постриг.

Все внимательнее слушают прихожане проповеди своего молодого пастыря. Что-то звучит в них новое, неслыханное. Он не только ободряет людей в их несчастье, поддерживает уставших, отчаявшихся. Он говорит, что жизнь, окружающая их, — несправедливая, холодная, лишенная любви, жизнь, где человек угнетает человека, где люди делятся на рабов и рабовладельцев, — жизнь, далекая от христианства. И другое говорит иногда молодой пастырь, — то, от чего ложатся на лица морщины глубокого раздумья, от чего несмелый свет загорается в глазах, то, что укрепляет их давнюю догадку, родившуюся в глубинах и совести. Он говорит, что слово Правды рождается на той священной земле, на просторах которой родились и они.

Бушевала буря, грозная и очистительная. Западный Атилл огнем и мечом прошел по Европе, залил ее реками слез и крови и, упоенный легкой победой, бросился на Восток, предмет его воцелений. В те решающие дни многие из прихожан молодого монаха, в сердца которых забросил он доброе семя, без колебаний пошли за своим народом, многие нашли смерть в боях и в пыточных подвалах возрожденного средневековья. На переломе войны разрушен был завод, и в камни обращен город Коломбель, а уцелевших разметало по воле ветров.

В дни освобождения Франции от гитлеровских палачей, в Париже, в вышедшей из подполья организации русских партизан часто можно было видеть коломбельского «батюшку», игумена Павла Голышева. Исхудавший, с ввалившимися глазами, в потертой старенькой ряске, он весь горел радостью и радостью этой заражал людей. Он говорил, что победа несомненна и близка, что вот он — свет приближается с Востока, и свет разгонит тьму человеческой лжи и ненависти, в свете этом сгорят насилие, неправда, угнетение, рабство.

«Что же будет с нами, отец Павел?» — спрашивали его русские люди, четверть века томившиеся на чужбине.

«Знаю, что нет в мире страны более справедливой, более благой, более великодушной, чем наша Родина. Верю в то, что увидит

она наши горькие муки и простит нас. Верю в великое чудо встречи с ней»...

Чудо произошло.

*
* * *

Я просыпаюсь от солнца, ударившего в глаза. Золотистым светом полна небольшая опрятная комната. В отворенное окно плывет низкий сильный звон. «Пора вставать»,— думаю я и тут же вновь погружаюсь в полусон, в нечто давнее, отходящее к истокам дней. Мне ясно чудится, что по коридору монастырской гостиницы тяжело прошлепали босые ноги, проплыл к какому-то нетерпеливому грешнику ведерный шумящий самовар, что вот-вот юный послушник с кроткими глазами тихо постучит в дверь, зашуршат крахмальные юбочки сестер, ко мне молча подойдет мать внимательно, со строгой ласковостью посмотрит мне в лицо, одернет на мне курточку, протянет руку и поведет меня к белым стенам собора в нашем далеком Болдинском монастыре, с высокой колокольни которого торжественно плывет в утреннем свежем воздухе, в золотом раннем солнце вот этот густой мощный звон,— как водила почти полстолетия назад...

Но стряхиваю сон, поднимаюсь, подхожу к окну. Все плывет, плывет, перейдя из сна в явь, мерный басовый звон и кажется, что в нем слегка качаются столбы солнечного света. Свет мешается с зеленым полумраком,— перед окном раскинулся густой клен, под ним тянутся кусты жасмина,— в утренней обильной росе, еле тронутые желтизной осени,— а между ними светится вдали белая монастырская стена, тяжело вздымается Пятницкая башня, а вправо и выше горит золотым куполом в солнечном воздухе легчайший пятиглавый собор.

Одеваюсь, выхожу на залитую солнцем улицу; к «Святым воротам» тянутся группки богомольцев. Через боковые,— Успенские,— ворота вхожу в прохладу векового камня и резко задерживаю шаги,— вот она, прямо передо мною эта несказанная красота, сердце Лавры — Успенский собор. Высокие старые липы восходят к его верхнему поясу, законам, орнаменту, за зеленью слепяще белеют стены, золотой широкий купол мощно возносится над четырьмя боковыми голубыми в больших золотых звездах. Голубизна куполов мягко выделяется на синем поле неба... Да нет, это не краска, это старинный рытый бархат— густой, тяжелый и седой на изгибе.

Густа толпа молящихся. Пальто и пиджаки горожан, овчинные куртки и ватники колхозников, темные платочки, береты, шляпы. В золотисто-розовом свете солнца через узкие верхние окна над бледно-желтыми мерцающими огоньками свечей плывет к просторам купола голубой кадильный дым. С органной мощью гудят басы хора.

Выхожу, брожу по аллее голубоватых лиственниц вдоль длинной стены Трапезного храма, любуюсь его разнообразно-сложной архитектурой, большими белыми раковинами барочного пояса вверх и мягкими живыми колоннами в виноградных листьях и гроздях. Вдали, по противоположную сторону монастырских владений, ему отвечают столь же прихотливым стилем «царские чертоги», и с ними радостно перекликается пестрая, нарядная, пышная в своей сплошной лазурно-зеленой и золотой лепке, горящая новой позолотой купола, маленькая Надкладная церковь, выстроенная на том месте, где, по преданию, Преподобный Сергей обрел источник,— узорная, пышная, русская, празднично-пряничная.

Брожу, и передо мной постепенно во всей своей изумительной гармонии открывается полный план этого единственного на земле места, этого неповторимого архитектурного ансамбля,— как бы изначально предначертанного, но осуществлявшегося постепенно, от частного к

общему,—от малой деревянной церковки через века к нынешнему завершённому своему великолепию.

Обедня кончилась. Большой корпус перед Трапезной церковью, деревянные ступени старой лестницы, обитая войлоком и клеенкой дверь. Секундное волнение, стук, дверь открывается и на пороге, в снопе солнечного света, встает узкоплечая фигура в черной рясе. То же худое лицо, те же глаза, то же выражение их,—скромности, внутренней силы и просвещенного разума. Встреча наша радостна, почти восторженна. Он все же немного растерян от неожиданности,—о. Павел,—суетится, не знает, куда посадить гостя, хлопчет у маленькой электрической плитки.

Я оглядываю чистую светлую горенку и мне немного странно, что это и есть иноческая келья. Она похожа скорее на кабинет ученого, только верхняя часть восточной стены увешана иконами, образками, старинными гравюрами изображениями Лавры и св. Сергия Радонежского. В большое окно с горы широко открывается чудесный вид на чистые домики Загорска, сады в пятнах латуни, бронзы, золота, кино-вари, пашни и леса за ними,—синими, все светлеющими, голубеющими гребенками идут они к далекому горизонту, к светлому краю неба. На другой стене кельи висят небольшие фотографии человека в форме инженера, миловидной молодой женщины в костюме начала века и маленького мальчика, как бы к чему то прислушивающегося, в лице которого чувствуется настороженность, почти испуг,—словно бы предчувствие своей сложной и трагической и счастливой судьбы.

На небольшом столике под чистой бахромчатой скатерткой,—кипящий чайник, вазочка с прозрачным медом, хлеб. Мы разговариваем, волнуемся, перебиваем друг друга, с головой ушли в прошлое. Мы вспоминаем Францию, Коломбель, завод, багровые отблески адского пламени, полуобнаженные фигуры суетящихся у пламени людей, жизнь преисподней, горе людское, черные муки, черный дым над трубами, сплетающийся в видение бесжалостного, грозного, жестокого Молоха.

«Ко мне приходили люди с исповедью, за последним словом утешения,—говорит о. Павел.—Годами стоял я у огромной чаши человеческих страданий, слез, обид, жалоб, непонимания, недоумения, скорби, горечи, бездонного горя,—почти бессильный помочь людям, потому что в своем отчаянии они уже теряли веру в Бога, который есть Свет и Истина. Они изверились в правде. Страшные годы!...»

Да, «чаша страданий». Вон там, внизу, под голубыми лиственницами, в теплом золоте осеннего дня, тихо бродят богомольцы,—простые, добрые, сердечные, хорошие русские люди, каждый из них — брат нам, и каждая — сестра. У каждого из них есть свои горести, свои неудачи, но наверное нет ни у кого такой тяжелой и такой счастливой доли. Всегда, до гробовой доски будут беречь нас образы прошлого, и на черном его фоне каждая секунда нашей жизни будет гореть счастьем, до смертного вздоха мы будем жить в счастье. Будут и у нас свои горести, свои неудачи, но и они будут озарены светом того же счастья, величайшего счастья обретенной Родины.

О. Павел стоит у окна, заложил руки за спину, смотрит на синие дали, тихо говорит мне.

«Какие великие слова, — о вере,двигающей горами! Вот мы здесь,—разве не сдвинула наша вера одну из самых высоких гор? Помните? Осуществлялся Апокалипсис, огненный смерч двигался по земле, Европа захлебывалась в крови, цветущие города превращались в развалины, рушился мир, стоны миллионов умирающих, убиваемых, сжигаемых, умучиваемых поднимались к небу, черному от дыма, а мы с вами говорили только об одном. Ежесекундно смерть могла поглотить и нас в этом кровавом хаосе, а мы стояли на своем. Мы были как без-

умные, потому что ум утверждал противоположное. Мы говорили, что все пройдет, и мы вступим в счастье. Мы верили,—и вера сдвинула горы».

Он волнуется, он ловит мои руки, жмет их, слезы радости слышны в его голосе.

«Послушайте, послушайте, родной мой! Разве не чудо вот эти сады, рощи, деревянные русские крылечки, церковки, весь этот безмятежный мир,—и мы в нем!»...

Легкий ветерок дует в окно, шевелит занавески. Длинная легкая паутинка «бабьего лета» протянулась от занавески к занавеске, подрожала и уплыла; донесло мелодичный бой часов с лаврской колокольни.

«А как живется вам здесь, в Лавре, о. Павел?».

«Я именно счастлив, иначе не могу определить своего внутреннего состояния. Пригодилось здесь и то хорошее, что было в тяжелом моем прошлом: — образование, любовь к книгам, знание языков. Я заведу большой монастырской библиотекой, много работаю, занимаюсь переводами, часто бываю в Москве, в Патриархии, удостоен высокой чести лицезреть Его Святейшество Патриарха, беседовать с ним,— разве смел я и мечтать об этом, скромный монах, изгой?!».

Мы выходим на воздух, на солнце, гуляем по аллеям; проходят монахи, богомольцы, экскурсанты, иногда видишь представительную крупную фигуру Наместника Лавры, архимандрита Иоанна. Идем к первым камням обители, к древнему Троицкому собору, спускаемся к входу в Луковую башню стены, охраняемую двумя «полоянками»,—польскими пушками, идем по галлерее мимо амбразур, «машикулей», пушек-пищалей и подвижных короткорылых мортир—«тюфяков». Посреди башни стоит громадный кованый котел. С волнением заглядываю я в нижнее отверстие «машикуля». Кто, корчась и визжа, летел вот здесь с лестницы под сильной струей кипятка или смолы? Жестокие сечи, подкопы, туры и всяческие «стенобитые хитрости»,—а через узкую прорезь бойницы видны все те же дальние леса, что и столетия назад, и трудно представить себе, что когда-то на горячих маленьких конях скакали в них, потряхивая кожаными колчанами, татары хана Едигея, и со стоном валилась в огонь костра белостволая русская береза, ложилась кровавым отблеском на малиновый, голубой и зеленый бархат кунтушей, на кривые длинные сабли, на седые висячие усы польских панов... С благоговейной бережностью тихо касаюсь я порванной и пятнами заржавевшей кольчуги. Может быть, к сыновним моим пальцам пристанет невидимая в микроскоп частица священной крови, пролитой четыре столетия назад за дивную мою Родину!...

Тает день, и вновь над крестами Лавры, над садами города, над полями, холмами, березовыми рощами плывет густой мирный звон. Мы стоим на крепостной стене, на самом верху, над галлереей. Длинная площадка ничем не отгорожена, и от высоты слегка кружится голова. Глубоко внизу, под старыми липами у Троицкого собора, по дорожке медленно движется согбенная фигура восьмидесятилетнего схимника Алексия. Он в своем смертном одеянии,—в черном куколе, в мантии с изображением креста и адамовой головы над скрещенными человеческими костями. Кажется, что доносится грубый лязг вериг, и вместе с этим живым видением пятнадцатого века вот-вот оживут, задымят кострами, наполнятся человеческим гомоном, подымут хоругви, загрохочут пищалами и тюфяками старые крепостные стены...

Вечер,—мягкий, тихий, теплый. В посветлевшем небе горит золотая чаша колокольни, в густом розовом солнце купаются стрижи, стремительно ныряют в пролеты высоких окон. Мы сидим на скамеечке под липами и слушаем скромного монастырского трапезника о. Сергия. На груди его пестреют семь орденских ленточек. В рядах Советской

Армии прошел он по многим дорогам Родины и Западной Европы, и великий день Победы застал его в далекой Японии. Я только что был в маленькой и легкой, точно игрушечной, церкви св. Михея и рассматривал художественные фрески, изображающие учеников и «собеседников» Сергия Радонежского. Там в списке сподвижников великого игумена, наряду с прославленными святыми Русской Церкви, значатся и иноки монастыря — Александр Пересвет и Андрей Ослябя. Сейчас я вслушиваюсь в неторопливый голос о. Сергия, украдкой поглядываю на курчавую бороду, в ясные, живые и мечтательные глаза, на очень русское родное лицо под черной скуфьей и невольно думаю о том, что наверное и далекие предшественники его, лаврские иноки, герои поля Куликова, были такие же, как и он, — скромные, тихие и мечтательные, и вместе с тем по самой натуре своей не умевшие отделить подвига от жизни.

Темнеет. Прощаюсь с о. Павлом, крепко жмем друг другу руки, — до завтра. Спать не хочется. Опять сижу на крылечке гостиницы. Высокое небо в звездах, и ярче всех очерчивается Большая Медведица. Еще совсем недавно, — а кажется, уже сто лет назад! — с какой тоской, с какой мольбой вели мы с молодым монахом линию от ее ковша, от края его к Полярной звезде, — укажи нам путь, выведи нас в отчий дом! Теперь спокойная, ласковая, русская тихо стоит она над поседевшей моей головой, — путеводная, ясная, не обманувшая.

Р. Днепров

ГОЛОС СОВЕСТИ

„И некоторые фарисеи из народа сказали Ему: — Учитель! запрети ученикам Твоим. Но Он сказал им в ответ: „Сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют“ (Лк. 19, 39—40).

У английского писателя Уэллса есть фантастический роман «Борьба миров»; фабула его несложна, но производит жуткое впечатление: на территории Англии падает несколько снарядов с Марса, из которых выходят чудовища — марсиане и производят страшное опустошение — все горит, разрушается, все живое умирает, оставшиеся единицы обращаются в паническое бегство, вся страна представляет собою сплошной кошмар.

Лицо, от имени которого ведется повествование, в одном из разрушенных домов встречается со священником, которого он наделяет множеством отрицательных черт: жадность, эгоизм, малодушие, совершенное нежелание считаться с другими, пренебрежение ими — одно «я» — эгоцентризм. Несколько дней они живут вместе, тяготясь друг другом, стараясь скрыть друг от друга последние остатки недоеденной пищи, наблюдая все ужасы, ожидая неизбежного конца — мучительной смерти.

Надежд, перспектив никаких... И вот священник обращается к Господу — «Прав Ты, Господи, и справедливо поражаешь нас. На мне проклятие Твое, на мне и подобных мне. Мы согрешили перед Тобой, мы были недостойными своего звания. Кругом горе, нищета; бедных топтали в грязь, а я стоял и смотрел. Я проповедывал терпение — жалкий безумец! Вместо того, чтобы восстать и громить нечестивых, хотя бы мне за это пришлось поплатиться жизнью и призывать утешителей к раскаянию, — я молчал. Я слишком долго молчал... Пора мне свидетельствовать о Господе! Горе нечестивому городу! Горе, горе, горе! Трепещите земные! Прозвучала труба! Говорить надо! Глаголом жечь сердца людей. Я должен свидетельствовать о Господе! Я слишком долго молчал».

Это произведение и эти слова неоднократно приходили мне на память при чтении в газетах о выступлениях некоторых церковников — «Таймс», «За рубежом». Да, думалось, — «время говорить».

В последнее время, особенно после происходившей в Нью-Йорке сессии Генеральной Ассамблеи ООН, с выступлением Вышинского, Мануильского, с разоблачением всех сановных плутократов «поджигателей войны», особенно открытой стала «борьба миров», двух мировоззрений.

Мы — русские церковники счастливы, радуемся, что именно наш народ, уже раз спасший мир от ужасов фашизма, устами своих представителей снова предостерегает мир от возможности повторения подобных кровавых гекатомб, стремится объединить все прогрессивное, демократическое человечество.

Каждое слово наших представителей долетало к нам из-за океана, как набат, как призыв... И многие, многие отозвались. Все, что есть лучшего, честного среди зарубежных церковников, все, кто видит, куда идет мир, могли сказать с героем повести Уэллса: «Я слишком долго молчал! Говорить надо! Глаголом жечь сердца людей!» Вот перед нами целый ворох газетных вырезок... 7 ноября 1947 г. выступает настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон по случаю 30-й годовщины Октябрьской революции, его речь передавалась по австралийскому радио: — «Россия не хочет воевать, она желает иметь дружественное отношение с Западом... Россия хорошо сознает, как заявил мне сам Сталин, трудности, связанные с мировым решением проблем мирного времени. Россия желает, чтобы были найдены мирные решения, и они могут быть найдены. Россия сделала большой позитивный вклад, и мы приветствуем ее за это сегодня» («Амурская правда» 12/XI—47 г.).

Несколько ранее этот же Джонсон захотел выступить в Калифорнии — «Владельцы единственного имеющегося в Лос-Анжелосе зала потребовали права подвергнуть цензуре его речь. Владельцы зала также потребовали, чтобы был внесен залог в две тысячи долларов, как гарантия того, что Джонсон не отклонится от одобренного текста» («Известия» 29/X—1947 г.).

Вот она страна «прославленных» свобод, вот те, которые считают, что у них церковь свободна, что у них полнейшая гражданская свобода! И после этого они еще имеют наглость говорить о рабском подчинении церкви у нас! Да, верно — «Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?» (Мф. 7, 3).

Вот еще сообщение: «12 видных американских священнослужителей различных вероисповеданий выступили с совместным протестом против военной пропаганды и публичных заявлений, вызывающих у народа чувство беспокойства и даже побуждающих думать о войне» («Правда» 6/XI—47 г.).

Да, голос совести заставляет их говорить, они не могут молчать...

Еще... 11/XI в Лондоне выступает Архиепископ Йоркский д-р Кирилл Гарбет, который в прошлом месяце посетил Чехословакию, Болгарию и Югославию. Он заявил: «Я вернулся из поездки по Европе убежденный в том, что мы, в Англии, не должны откликаться на призывы, с которыми по временам обращаются к нам с другой стороны Атлантического океана, призывая занять позицию против России и против коммунизма».

По мнению всех тех, с кем приходилось беседовать д-ру Гарбетту, будь то коммунисты или не коммунисты, основная надежда для них заключается в союзе с Россией. С другой стороны, они заинтересованы в тесной дружбе с Англией и другими странами на Западе («Амурская правда» 16/XI—1947 г.).

Это голос объективного наблюдателя, своим христианским сердцем, широким умом понимающего смысл происходящих событий, это голос ответственного лица, знающего, что к его авторитетному мнению прислушиваются миллионы не только верующих людей; это голос внутреннего убеждения, голос совести, это потребность сказать то, чем полна душа: «мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Деян. Ап. 4, 20).

Вот тоже не лишенный интереса сообщение!

«15/XI—1947 г. в Лондоне Общество англо-советской дружбы и Британский Совет борьбы за демократическую Германию организовали митинг, на котором председательствовал священник Стэнли Эванс (председатель Общества англо-советской дружбы), где он заявил, что «величайшим политическим бедствием послевоенного периода является то, что Запад не смотрит на вопрос о репарациях в Германии глазами

Минска, Киева и разоренных районов Белоруссии и России. Каждый, кто видел эти разрушения, поймет точку зрения Советского Союза, который утверждает, что было бы несправедливо и неразумно восстанавливать Германию, не заставивши заплатить репарации за то, что она разрушила» («Известия» 17/XI—1947 г.).

Это опять-таки голос человека-священника, общественного деятеля большого масштаба, слушающего веления своей совести, идущего «во имя прекрасного против течения».

Еще свидетельство: в Нью-Йорке 15/XI—1947 г. Национальный Совет американско-советской дружбы устроил банкет, на котором присутствовали наши представители на Генеральной Ассамблее тт. Вышинский, Мануильский, Киселев, наш консул в США Ломакин, а председательствовал известный астроном профессор Гарвардского университета Шепли... В числе выступавших был священник и публицист Фритчман, который заявил, что между СССР и США нет неразрешимых проблем, призывал к укреплению американско-советской дружбы («Известия» 17/XI—1947 г.).

По словам «Известий» 9/XII—1947 г. на происходящем Всегерманском конгрессе единства в числе делегатов, борющихся за единую демократическую Германию — епископ Тюрингинский Митценхойм, член Христианско-демократического союза из Баварии профессор Бругш.

Вот еще — румынская газета «Универсул» публикует послание митрополита Юстиниана к румынскому духовенству, в котором подчеркивается значение преобразования Румынского королевства в Народную республику и указывается, что Церковь должна бороться за укрепление ее: «Я призываю румынское духовенство к беззаветному труду, — говорит Юстиниан, — в целях создания нового человека, борющегося за мир, братство трудящихся» («Известия» 4/I—1948 г.).

Орган христианско-демократического союза «Фран-Фурктернейс пресс» предостерегает, что «антикоммунизм уже был один раз использован для вручения сумасшедшим и преступникам политической власти в Европе» («Новое время» 1948 г., № 2).

А вот коротенькая заметка — «14 ноября прибыл из Бейрута в Москву для встречи с Патриархом Московским и всея Руси Алексием Митрополит Ливанский Илия в сопровождении Василия, архимандрита Антиохийского Патриарха» («Известия» 15/XI—1947 г.).

Что это? Обычный визит? Акт церковной дипломатии? Желание опереться на более сильного?

Нет, это глубокопродуманный ответственный шаг, чреватый многими последствиями, шаг человека, который семь раз отмерил, прежде чем один раз отрезать, шаг человека, который сознательно делает выбор — с кем ему идти.

Это особенно станет ясно, если вдуматься в сообщение, что «Ливанское правительство запретило деятельность Общества друзей Советского Союза, что полиция в Бейруте устроила налет на помещение общества» («Новое время» 1948 г., № 3).

При такой ситуации поездка Митрополита Илии в Москву — уже подвиг — «во имя прекрасного против течения».

Такие примеры далеко не единичны: «10/I с. г. в Москву прибыла церковная делегация Албанской Православной Церкви в составе архимандрита Пашко Водица, протоиерея Дмитра Коконеш и священника Лазаря Поповича» («Известия» 11/I—48 г.).

Что их влечет сюда? Какая сила притягивает? Чего они ищут? К чему стремятся? — Богатая опытом столетий, умудренная славными традициями прошлого, горящая пламенем любви Иоанна, крепостью Петра, мудростью апостола языков Павла, Церковь Православная Российская, ведомая по морю житейскому мудрым кормчим — Святейшим

Патриархом Алексием, взявшим руль из рук Приснопамятного Святейшего Патриарха Сергия, является тем немеркнущим светочем Христовым, к которому тянется оттуда, из-за рубежа, все христиански мыслящее, передовое, истинно-демократическое.

Разве наша Церковь может быть иной? Разве ее кормчий мог взять иной курс?

Разве не к каждому из нас относятся слова апостола Павла: «Будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте»! (1 Тим. 4—12).

Разве все приведенные свидетельства не говорят, что сердца многих церковников там, на Западе, бьются в унисон с нами? Что они также полны желания в этой «борьбе миров» стать на стороне борющихся за идеалы всечеловеческого братства, всего прогрессивного, светлого, полны стремления прекратить те ужасы, которые человечество переживало в этой всемирной бойне и всячески поддерживать ту позицию, которая выдвигается нашими государственными деятелями, борющимися за мир во всем мире?

И много таких свидетельств... Их не перечесть...

«И что еще скажу? Не достанет мне времени, чтобы повествовать о... и других..., которые верою побеждали царства, творили правду..., заграждали уста львов, угашали силу огня..., укреплялись от немощи..., прогоняли полки чужих...» (Евр. 11, 32—34).

Имена их Ты, Господи, веши...

Не могу отказать себе в большом удовольствии привести еще одну вырезку из газет; правда, автор ее — не церковный или общественный деятель, это вовсе незаметный человек — это верующая женщина мать, у которой два сына воевали на войне, и которая сама делала все, чтобы способствовать ее успешному окончанию. Обращаясь к Вышинскому она пишет: «Я благодарю Вас за Вашу храбрую речь против поджигателей войны. Вы сказали правду, и Бог благословит Вас. Я никогда не была в Вашей стране, но всякий, у кого есть глаза, мог бы составить свое мнение во время ужасов войны. Так сделала и я. С тех пор я люблю Вас, русских» («Правда» 31/X—47 г.).

Ей вторит Бруклинская домохозяйка Б. Е.: «Я считаю, что Советская делегация в ООН проводит смелую и замечательную работу на пользу свободолюбивых народов всего мира. Руководство Вашей Страны делает самое ясное, честное предложение, направленное на установление мира во всем мире. Американские фашисты стремятся к господству, но время работает против них, а будущее на стороне народных сил» (Ibidem).

Это голос не политического деятеля, не человека, стоящего у кормила правления, не человека уподобляющегося флюгеру, а человека рядового, обывателя, всем своим простым, чистым сердцем понявшего, где ложь и где правда, человека устремляющего свои взоры туда, где осуществляются мечтания выдающихся людей всех веков, где утопия претворяется в действительность, где идеи облекаются в плоть...

Невольно приходят на память пророческие слова великого писателя-христианина Н. В. Гоголя... «Почуются иные, еще доселе небранные струны, предстанет несметное богатство русского духа, придет муж одаренный божескими доблестями, или чудная русская девушка, какой не сыскать нигде в мире, со всей дивной красотой женской души, вся из великодушного стремления и самоотвержения. И мертвыми покажутся перед ними все добродетельные люди всех других племен, как мертвая книга пред живым словом! Подымутся русские движения... и увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов...

Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ!... Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства» («Мертвые души»).

Вот оно пророческое прозрение в великое назначение земли Русской...

Вот оно — «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля (в духовном понимании) и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых» (Числ. 24, 17).

Чаяния человечества, борьба света и тьмы, добра и зла, востока и запада, закончится победой всего светлого, чистого, прекрасного, «Мир устанет от мук, захлебнется в крови и поднимет к любви, беззаветной любви очи полные скорбной мольбой» (Надсон).

Протоиерей Анатолий Левицкий

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГРЕКО-БОЛГАРСКОГО ЦЕРКОВНОГО ВОПРОСА И БОЛГАРСКОЙ СХИЗМЫ

(Продолжение)

С особенной силой эллинистические стремления Константинопольской Патриархии стали проявляться со времени греческого национального возрождения и с образованием в Афинах особого центра эллинской культуры¹. Повышенное национальное настроение греческих передовых кругов конца XVIII и начала XIX в. сообщилось и Константинопольской Патриархии. И греческая школа, на которую теперь было обращено особое внимание и которая неразрывно связана была с церковью, и сама церковь в это время более, чем когда-либо, были призваны на служение национальным греческим целям². Влияние Афин в греко-болгарской распре сыграло, как известно, непримиримую и решительную роль³. Немалую роль, особенно в момент провозглашения болгарской схизмы, сыграло давление, оказываемое на греческих иерархов со стороны «невежественной константинопольской толпы, движимой страстями и видами, несогласными с духом православия»⁴.

Общий греческий характер константинопольской иерархии наиболее рельефно сказался в присущей ей тенденции ставить греческих архиереев у всех подведомых ей народностей — не только у болгар, но и у сербов, румын, албанцев, арабов. Недаром это вызвало такую ожесточенную борьбу с греками, начавшуюся с пробуждением национального сознания отдельных народностей, борьбу, принявшую особенно страстный характер у болгар, так как там греческое влияние достигло наибольшей степени, но не чуждую также и румынам, и сербам, и арабам⁵.

¹ Ср. Шишманов, К. Г. Фотинов, СБМ, XI, 643; Костадинова (Ст. Новакевича), «Цариградска патријаршија и православље у Европској.. Турској», Београд, 1895, стр. 32; русский перевод Д. Никольского (СПБ, 1896), стр. 41.

² См. А. Преображенский, Григорий V, патриарх Константинопольский, Казань, 1906, стр. 107.

³ См., например, Т. Бурмов, Българо-гръцката църковна распра, София, 1902, стр. 575 и др. См. также В. Теплов, Греко-болгарский церковный вопрос по неизданным источникам, СПб, 1889; «Вообще Греки были уверены, что тогдашний момент (время появления проекта патриарха Григория V, 1867 г.) имел решающее значение в истории развития новой Греции. Греческий посланник в Константинополе Деллиани в разговоре с генерал-адъютантом Игнатьевым повторил, что, во избежание всевозможных недоразумений, необходимо ограничить Болгарию линией Балкан. По его словам, вся политическая будущность Греции зависит от разрешения этого вопроса: борьба отныне идет между славянством и эллинизмом; борьба эта уже началась и Греции следует показать в ней всю свою силу и непоколебимость» (стр. 57).

⁴ Из письма графа Н. П. Игнатьева к русскому консулу в Иерусалиме от 12 сентября 1872 г. (И. И. Соколов, Патриарх Кирилл II и болгарская церковная схизма. Сообщения Имп. Правосл. Палестин. общества, 1914, т. XXV, стр. 202).

⁵ Известно, что и русский раскол старообрядчества в XVII в. явился протестом во имя русской церковной старины против греческих новшеств не только в области богослужения (исправление богослужебных книг) и церковного обряда, но и в обла-

Было бы ошибочно сказать, что в этой излишней опеке над православными народами Греческая Церковь, по крайней мере в лице ее лучших духовных вождей, руководилась исключительно только своекорыстными и властолюбивыми националистическими соображениями. В этом направлении ее деятельности была и некоторая идейная подкладка. Православие и эллинизм исторически настолько слились между собою, что в сознании представителей Греческой Церкви казались неотделимыми друг от друга⁶. Церковная опека над другими православными народами в их представлении казалась необходимою для сохранения их в Православии⁷.

Но тем не менее наличность такой идеологии нисколько не устраняет факта, что Константинопольская «вселенская» Патриархия не иначе мыслила себя как только греческою.

Вскоре после подчинения Болгарской Церкви власти Константинопольского Патриарха на болгарские архиерейские кафедры стали назначаться греки-фанариоты⁸. Во второй половине XVI в. уже большинство болгарских архиереев были, повидимому, греки⁹.

Следствием греческой церковной власти в Болгарии была эллинизация болгар.

Иногда представляют ее делом злонамеренным со стороны Константинопольского Патриарха и греков. Дело велось будто бы планомерно и рассчитанно. Орудиями эллинизации были греки-архиереи и учителя (келлийных школ) — монахи-таксидиоты; средствами эллинизации были: систематическое уничтожение славянских церковных книг и замена их греческими, клевета перед турецким правительством на болгар и т. п. Такой взгляд на это дело выражается, например, в одном письме известного болгарского революционера Раковского, относящиеся к 1853 г.¹⁰. Взгляд этот можно назвать типичным, особенно для указанного времени. Он остается господствующим среди болгар и в последующее время¹¹.

сти быта (изменение костюма для духовенства: введение греческих ряс и камилавк; см. постановления Московского Большого собора 1667 г.). Церковная реформа на Руси в XVII в. была произведена, правда, не непосредственно греками, а русским Патриархом Никоном, но под сильным давлением приезжавших в то время в Москву восточных патриархов. Известно, что и в последующее время (например, во время споров о пресуществлении в конце XVII в.) греки проявляли преувеличенную претенциозность на направление русской церковной жизни. «Всегда свет быша грецы, писали Лихуды в «Акосе, — и будут даже до скончания века, и от грек свет прияху — и приемлют вси языцы, или писано или неписано, или от трудов и списаний греческих, или из уст от учения их како-либо ни есть — от них и чрез них видят иные языки, — вси философы грецы, вси богословы грецы. Непоследующе же сим несмысленни и ненаказанныи и буин, и сего ради речеса и сие: всяк не еллин варвар» (Чтения в Общ. ист. и др. Рос., 1896, кн. 4, стр. 554). Или см. также рассуждения Лихудов об «еллинском диалекте» (там же, 562—563). См. также В. Верюжский, Афанасий, архиеп. Холмогорский, СПб, 1908, стр. 616.

⁶ См. вышеприведенную характеристику греческого православия, сделанную проф. Н. Н. Глубоковским.

⁷ «Они (греки) боятся, что, не отстраняя других народов от участия в церковном образовании и церковном управлении, они подвергнут опасности поместные церкви уклониться от канонов и даже от догматов, так как, по мнению их, на всем Востоке только греческая народность сохраняет непоколебимую твердость в охранении православия» [Девтероксенос (митр. Антоний Храповицкий), Вселенская Церковь и народности, Казань, 1900, стр. 4].

⁸ Характеристику их, по возможности разностороннюю, мы даем в своем исследовании: «Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы».

⁹ У Герлаха (1573—1578), например, в нескольких местах упоминаются греки-епископы по болгарским городам.

¹⁰ «Едно письмо от Раковски до Гранитски», сообщава А. Т. Илиевъ. Пер. Сп., LXIII (1902), 3—4 связи.

¹¹ Для примера укажем типичную статью И. Найденова, Гърците при побългарянето на България — в Фоотиновом «Юбилейном сборнике», София, 1894, или см. предисловие («Къ мъ любезнить читатели») к книге С. М. Родопского, Пор-

Но такое представление эллинизации болгар не вполне правильно.

Эллинизация болгар в турецкий период, — конечно, несомненный факт. Верно и то, что она была следствием церковной власти греков в Болгарии. Нельзя исключать совсем из этого дела и некоторой намеренности. Но это относится уже к более поздним временам, когда греками, со времени их национального возрождения, стала культивироваться так называемая «великая греческая идея», проводником которой, и то только отчасти, являлась и греческая иерархия. В более же ранние времена эллинизация происходила более в силу создавшихся обстоятельств.

Здесь нужно принять во внимание следующее.

Во главе всей Православной Церкви в Турции оказался «вселенский» Константинопольский Патриарх, вследствие своего счастливого положения, как представитель православной веры в столице султанов. Его турки облекли полнотой церковно-гражданской власти над всем православным населением своей империи, без различия национальностей. Турки различали подчиненные им народы не по национальности, а по вере. Поэтому, болгары утратили теперь официально и свое национальное имя: назывались в официальных документах не болгарам, а или вообще христианами, или областным турецким именем урум-миллет, что значит греческий народ, в смысле принадлежности к одному с греками вероисповеданию¹². Болгары утратили также свою церковную автокефальность хотя и по стараниям Константинопольского Патриарха, но не вследствие его стремлений к эллинизации болгар, а вследствие издавна имевшего место иерархического соперничества. Греки, в силу обстоятельств, оказались в господствующем положении. Прямым следствием влияния господствующего класса, притом более культурного, на класс подчиненный и менее культурный (как бывает всегда и везде в подобных случаях) была в данном случае постепенная эллинизация болгар.

С другой стороны, здесь нужно принять во внимание следующее обстоятельство. Греки всегда отличались известной устойчивостью в национальном отношении¹³.

В постепенной эллинизации болгар можно различать два периода.

Первый простирается приблизительно до второй половины XVIII в., когда начинается национальное возрождение греков и вместе с тем постепенное культивирование так называемой «великой греческой идеи». Пограничным этапным пунктом этого периода являются два весьма крупных события в истории славян: упразднение Печской патриархии (1766) и Охридской архиепископии (1767). Одной из существенных причин этих событий и было начавшееся теперь стремление греков к огречению славян.

Второй период, начавшись со второй половины XVIII в., дает себя чувствовать особенно с 30-х гг. XIX в., когда начавшаяся со времени танзимата¹⁴, централизация в Турции предоставила и в руки Константинопольского Патриарха большую возможность проявления своей вла-

треть на гръцкогo фенерско духовенство и коварные му дела противъ българие в Родопите», Пловдив, 1887. Указанный взгляд поддерживается не одними только болгарскими писателями: ср. рассуждения одного из сербских ученых И. Иванича, из церковне истории Срба у Туркской у XVIII и XIX веку. Српска Краљевска Академија. Прва книга задужбане Архимандрита Никифора Дучича. Београд и Нови Сад. Издание друштва, «Рада», 1902, стр. 9.

¹² Милетич, Един документ от първото време на танзимата», СБМ, 375.

¹³ Эту национальную черту греков отмечает и о. Пансий в своей «Истории славено-болгарской». «От Греци, — говорит он, — обращаясь к болгарину, има много народи по-мудри и славни; — дали си оставя некой Грекъ свой языкъ и учение и родъ, како ти, безумне, що оставяшъ». (Изд. А. Теодорова, Пловдив, 1898, стр. 27).

¹⁴ Танзимат — реформы, начавшиеся в XIX в. в Турции.

сти в провинциях — в назначении архиереев и вообще в ходе церковных дел в провинциях¹⁵. Одновременно появление нового центра эллинизма в новообразовавшемся греческом королевстве усиливает начавшееся стремление греков к национальному возрождению, способствует большему культивированию «великой греческой идеи» и дает новый стимул к более интенсивной эллинизации славян¹⁶.

Но вместе с развитием греческого национального возрождения (и отчасти под влиянием его) начинается и болгарское национальное возрождение. Начало его тоже приурочивается ко второй половине XVIII в. (появление «Истории словено-болгарской» о. Паисия). В 30-х гг. XIX в. это движение разрастается. Появляется так называемый болгарский церковный вопрос (главный деятель его Неофит Бозвели). Развивается и антагонизм между греками и болгарами. Два противоположных течения сталкиваются особенно ожесточенно после Крымской войны — в 50-х гг. XIX в. и проявляются в так называемой греко-болгарской церковной распри¹⁷.

В первый период эллинизация в большинстве случаев не имела принудительного характера. Национальный вопрос в то время еще не выдвигался. Среди населения — и греков, и болгар — в то время преимущественно было развито чувство веры, отличавшей христианина от мусульманина-турка, но не было развито чувство народности.

В виду того, что в течение первого периода не было национального соперничества между греками и болгарами, на болгарских архиерейских кафедрах наряду с греками встречались и болгары, неогреченные, заботившиеся о благе и просвещении своего родного народа¹⁸. Также и среди самих греческих архиереев было немало хороших людей, которые, между прочим, не полагали препятствий болгарскому национальному возрождению, когда оно началось¹⁹.

Оба эти факта свидетельствуют, что в течение первого периода со стороны греков и Константинопольской Патриархии не было стремления к насильственному эллинизированию болгар.

Справедливость требует, однако, отметить, что болгарская народность архиереев из болгар в течение первого периода вообще не выдвигалась и что все они слыли скорее за греков, как представители Константинопольской Патриархии и греческой культуры. Впервые архиереи из болгар, как именно болгарские архиереи, появились только в начале 50-х гг. XIX в., когда начало народности было выдвинуто на первый план в борьбе с греками.

Отношение греков к болгарам в первый период не было враждебным. Отсюда было возможно такого рода явление, что грек Эммануил Васкидович, бывший секретарь Терновского митрополита Илариона,

¹⁵ Ср. Костадина (Ст. Новаковича), Цариградска патриаршја, стр. 31; русск. перев., стр. 40.

¹⁶ Ibidem, стр. 32, русск. перев., 41. Ср. И. Иваница, «Из црквене исторје», стр. 20.

¹⁷ Ср. Т. Панчев, Материали по нашето възраждение. (Из архивата на Найдент Геровъ), Бълг. Сборка, год XVII (1910), кн. II, стр. 108; П. Кисимов, Исторически работи, Бълг. Сборка, год IV (1897), кн. VII, стр. 715; Димитров (М. Д. Балабанов), Писма по народното пробужданье, Пер. Сп. XXV и XXVI (1888), стр. 16 и 17; Палаузова, «Записка», 1853 г., Пер. Сп. LVIII, стр. 620.

¹⁸ Перечень их в нашем исследовании: «Пронсхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы»

¹⁹ Перечень их — там же. Ср. «Приятельское письмо от Българина к Гръку, написал Н. Богдан, исправил же и урядил на българский чистъ правопись, как и в книгопечатници обстарал И. Пръванъ» Прага, 1852, стр. 3—4; ср. стр. 2. — В составлении этой книжки принимал непосредственное участие преосвященный Нафанаил Охридско-Пловдивский. В своей автобиографии он называет эту книжку своим переводом, (СБМ, XXV, 92). Издатель его автобиографии А. Станков, гозорит, что он свои статьи подписывал псевдонимом Богдан (Ibid., 44, примечание).

впоследствии стал сотрудником о. Неофита Рыльского в просвещении болгар и составлял учебники для «своего славено-болгарского народа»²⁰. Характерно до известной степени и то обстоятельство, что сам о. Неофит Рыльский, предполагая издать главный труд своей жизни—греко-болгарский словарь, рассчитывал на поддержку не только болгар, но и греков²¹. Небезынтересно отметить также и тот факт, что поборники идеи греческого освобождения поэт Рига Феррей в своих патриотических стихотворениях пытается привлечь к делу борьбы за греческую свободу всех поработанных турками христиан, в том числе и болгар²².

И болгары в общем не имели вражды к грекам. Греческий язык, как язык образованного класса, как язык, на котором писали книги, обучали в школах, совершали богослужение в храмах, пользовался среди них великим уважением²³.

Многие из первых пионеров болгарской образованности — Константин Фотинов, Неофит Рыльский, Христати Павлович, Райно Попович — были горячими защитниками греческого языка и греческого учения²⁴.

Такое отношение к греческому учению и вообще к грекам господствовало среди деятелей болгарского просвещения почти до 1840 г.²⁵.

Весьма уважительно относился болгарский простой народ к греческим владыкам²⁶, а также и к Константинопольскому Патриарху. В последнем он видел не грека, а главу православия²⁷. Когда в 1821 г., по случаю греческого восстания, был повешен турками в Константинополе Патриарх Григорий V и некоторые другие архиереи, болгарский народ окружил их трагическую смерть ореолом мученичества и чудес²⁸.

И к грекам вообще болгары относились в большинстве не только без вражды, а даже с уважением²⁹. Известно, что многие из них приняли участие в греческом восстании 1821 г., в так называемой «завере», т. е. восстании «за веру»³⁰.

Многие современники событий этого времени передают, что будто бы султан Махмуд II, рассерженный на греков за восстание, предлагал влиятельным в то время болгарам (князю Стефану Богориди, Турко-Василаки Великому, а также болгарским бегликчи-башиям³¹) избрать из среды болгар подходящих кандидатов для замещения архиерейских кафедр и даже на пост Константинопольского Патриарха. Однако самый влиятельный в то время человек из болгар, князь Стефан Богориди, не пошел будто бы навстречу этому предложению, не желая, как объ-

²⁰ Шишманов, К. Г. Фотинов, СБМ, XI, 640—641.

²¹ Димитров (М. Д. Балабанов), Две объявления за единъ словарь, Пер. Сп., XXXI, стр. 139 и 140.

²² А. Преображенский, Григорий V, патриарх Константинопольский, стр. 95—96, прим.

²³ См., например, «Автобиография на Райча Илиев Блъсков», СБМ, XVIII, стр. 560.

²⁴ Д-р Ив. Дм. Шишмановъ, Значение и заслуги на братия Миладинови. Списание на Българската Академия на наукит., кн. III (София, 1912), стр. 60—61. Его же, К. Г. Фотинов, СБМ, XI, стр. 647 и др.

²⁵ Шишмановъ, К. Г. Фотинов, СБМ, XI, стр. 647, 653.

²⁶ См. в нашем исследовании, «Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы».

²⁷ Шишмановъ, К. Г. Фотиновъ, СБМ, XI, стр. 644.

²⁸ П. Черновеждъ, Неколко записки от сегашниятъ векъ. СБМ, VI, стр. 383. Ср. Шишманов, Op. cit., СБМ, VI, стр. 644. Ср. С. П. Иванов, Материали за новата история на България, Пер. Сп., XXXV, стр. 671.

²⁹ См. П. Черновеждъ, Неколко записки от сегашниятъ векъ. СБМ, VI, стр. 384.

³⁰ См. об этом П. Кисимов, Исторически работи, Бълг. Сбирка, год VI (1899), кн. XVII и XVIII, Йорд. П. Георгиев, Гр. Елена, Пер. Сп. LXV, 1—2 св.; Г. Димитров, Княжество България, ч. 2 и др.

³¹ Бегликчи-башии — откушники у турецкого правительства «беглика» (налог натурой, так называемый «десяток со скота»). См. например Иречек, «Пятувания», стр. 146.

ясняют современники, оскорбить «Великую Церковь», находившуюся в то время в трудном положении³².

Что касается болгарских бегликий, то они известны своей благотворительностью и помощью, оказываемой ими христианам (помогали училищам и строили церкви). Но в своем покровительстве христианам они не различали болгар от греков³³.

Все это свидетельствует о том, что отношения между греками и болгарями не были враждебными, и эллинизация болгар в первый ее период происходила большею частью добровольно, без принудительного давления на них со стороны греков.

Но нельзя сказать, чтобы этого принудительного давления совсем не было. Уже преимущественное назначение епископов греков на архиепископские кафедры, начавшееся приблизительно с XVI в. (и не только в Болгарии, но и в Иерусалимском, Александрийском и Антиохийском патриархатах), указывало до некоторой степени на это давление.

Однако отрицательные стороны в отношениях между греками и болгарями стали сказываться преимущественно тогда, когда эллинизация болгар вступила во второй период.

Второй период эллинизации начинается со второй половины XVIII в. и усиливается с 30-х гг. XIX в., когда, с одной стороны, усиливается национальное возрождение греков и развивается вместе с тем у них стремление к панэллинизму, к огречению окрестных, входивших в сферу их духовного влияния, народностей, ближайшим образом болгар, а, с другой стороны, начинается болгарское национальное возрождение и стремление освободиться от греческого влияния.

Потеря греками духовной власти в освободившихся из-под турецкой власти Сербии (1804) и Молдаво-Валахии (1829) и общее уменьшение доходных иерархических мест Константинопольской кафедры побудили их с особенной энергией держаться за находившуюся еще под их влиянием Болгарию (также Македонию и Старую Сербию³⁴).

Теперь замечается со стороны греков стремление принудительным образом огречить болгар. Последние провозглашаются «вулгарофонами» — греками, говорящими только по-болгарски³⁵. На болгарские архи-

³² См. П. Черновеждъ, Несколько записки от сегашниятъ векъ, СБМ, V, стр. 385, 147; его же Бележки за някои стари дейи и дела, Бълг. Сбирка, год I (1894), кн. VII, стр. 546 и прим. 2. П. П. Карапетровъ, Князь Стефанъ Богориди в народно-церковния вопрос, Бълг. Сбирка, год IX (1902), кн. III, стр. 177—178 и 180—181; его же: Сбирка от статии, Средецъ, 1898, стр. 33.—Обращает на себя внимание, тем не менее то, что три первые из четырех константинопольских патриархов непосредственно после греческого восстания: Евгений П. (1821—1822), Хрисанф (1824—1826) и Агафангел (1826—1830), происходили из болгар, но только они были болгары огреченные. См. И. И. Соколов, Константинопольская Церковь в XIX в., стр. 505 и прим. 3, стр. 510—511. Ср. «Деяния на святыи великий собор, совокупишии ся в Константинополь... за церковныйи българскийи вопрос». В лето спасительно 1872, презъ месяц Августа и Септемврия, Цариградъ, стр. 69. Особенно см. греческий текст тех же «Дяний» — «*πρὸς τὴν τῆς ἀγίας καὶ μεγάλης συνόδου*», σελ. 51.

³³ Иречекъ «Пятувания», стр. 146.

³⁴ Хр. Даскаловъ «Русская Беседа», 1858, т. II, смесь, стр. 16; Кургановъ, Исторический очерк греко-болгарской распри, «Правосл. Собеседник», 1873, т. I, стр. 73; С. Юринич, Иосиф Юрай Шросмайеръ СБМ, XXII—XXIII, стр. 57.

³⁵ См., например греческую книгу, времени греко-болгарской распри: «*Πραγματεία περὶ τῆς κληρικῆς διαιποδοσίας τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχικοῦ Θρόνου ἐπὶ τῶν ἐν Βουλγαρίᾳ Ὀρθόδοξων Ἐκκλησιῶν*» «*πρὸ Γρηγορίου Ἀρχιεπισκοπικοῦ τῆς Ἱεραῆς Συνόδου τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας*». Εξ Κωνσταντινουπόλεως, 1860, σελ 2, 127, 142.

В книге Стаматиса Рапти «Ο Καπεταν Πορλακας», посвященной изображению греческой четнической деятельности в Македонии в 1904 г., священник Пападракос, находившийся при чете капитана Вардаса, человек с высшим богословским образованием, в своей проповеди,

ерейские кафедры теперь, если и назначаются иногда болгары, то по большей части огреченные³⁶. Неогреченные же болгары назначаются иногда в неболгарские епархии³⁷. В общем Константинопольская Патриархия старается отстранить теперь неогреченных болгар от назначения на архиерейские кафедры. (Среди болгар в это время было немало лиц, достойных архиерейства)³⁸.

А так как болгары в это время тоже заявляют о своих правах и начинают требовать их, то теперь в усиленной степени применяются приемы насильственной борьбы с их пробудившимся национальным самосознанием вроде сожжения славянских книг, преследования передовых людей, запрещения болгарских училищ и т. п.³⁹.

Панэллинизм среди греков начинает развиваться со второй половины XVIII в., с началом греческого национального возрождения. На развитие его немало влиял и так называемый «греческий проект» имп. Екатерины II, т. е. проект восстановления Византийской империи. Проект этот ставил определенной задачей упразднение власти турок в Европе, и наследниками их признавал никого иного, как греков, так как Византийская империя считалась греческою. О славянах, в частности о болгарях, в России в то время мало знали⁴⁰. Напротив, греками интересовались. Выдающиеся представители греческого национального возрождения—Евгений Булеарис и Никифор Феотокий—были вызваны в Россию и заняли здесь видное церковно-общественное положение⁴¹. Естественно, что, согласно греческому проекту, славяне должны были войти в состав восстановленной Византии. Планы эти, разделявшиеся деятелями русской политики и, повидимому, бывшие близкими к осуществлению, одушевляли греков и влияли на их отношения к славянам (в частности к болгарам). «Великая идея» восстановления греческой империи на развалинах Турции и, между прочим, на счет славянских и других племен, входивших в нее, а также входивших отчасти и в состав древней Византии, становится с этих пор одушевляющим греков национальным девизом. Идея эта вдохновляла деятелей греческой «гетернии», стоявших во главе борьбы за греческую независимость (1821)⁴².

Естественно, что эти национально-греческие вожелания отражались

обращенной к жителям македонского села Слимичи (Костуркой каа-зы) говорил: „*Αλλά καί Βουλγαρία εἶναι ἀπαραίτητον διὰ τὴν ἐνταῦθα τοῦτο ὅτι εἰσὶν Βουλγαροὶ μέγα καὶ ὅλως εἶναι παντὸς τοῦ χρίου γωρίον ἐνὶ τῇ γῇ*“ (Но даже если бы и по-болгарски вы говорили, это не означало бы, что вы болгары, потому что язык не есть всегда главный признак отдельного народа“ () Пер. сп., LXX, 1809, 3—4 связка, стр. 304).

³⁶ Перечень некоторых из них см. в нашем исследовании «Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы».

³⁷ См. инок Парфений, Сказание о странствии и путешествии..., ч. IV, М., 1856, стр. 56—57. Ср. «Ответ «Русскому Вестнику» по болгарским делам», СПб., 1858, стр. 18). Ср. М. Филарет, «Собрание мнений и отзывов», стр. 255—256.

³⁸ См. П. П. Карапетров, Кн. Ст. Богориди в народно-церковный вопрос, Бѣлг. Сбирка, год. IX (1902), кн. III, стр. 178—179; его же, Сбирка от статьи, стр. 32, примеч. 29; Димитров, «Княж. България», ч. I, 278; Митр. Филарет, Мнения и отзывы, стр. 212—213, 189—190, СПб., 1886.

³⁹ См. Йорд. П. Георгиев, Материали по църковната борба, СБМ, XXIV, стр. 234, стр. 189.

⁴⁰ «Еще в 1827 г.,—пишет Венелин,—в одном московском журнале думали, что задунайские славяне все перевелись, и что там не слышны более славянские звуки. Это доказывает, какие темные понятия о жителях Европейской Турции были у нас в 1827 г.» («О зародыше новой болгарской литературы», М., 1838, стр. 4).

⁴¹ A de Stoudza a Evghène B. ulearis et Nicéphore Theotokis, précurseurs du réveil intellectuel et national de la Grèce, Oeuvres posthumes Paris, 1859, p. 276.

⁴² См. С. Н. Палаузов, Румынские государства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении, СПб., 1859, стр. 468.

и на отношениях представителей греческой церкви к славянам, в частности к болгарам⁴³.

Характерно, что как раз к этому времени приурочивается упразднение «славянских» автокефальных Печской и Охридской архиепископий—патриархий. События эти самими греческими писателями ставятся в связь с «великой греческой идеей»⁴⁴.

Отражение этой новой «политики» чувствительно сказывается с этого времени и в других действиях греческой иерархии, как в пределах бывших Охридской и Печской архиепископий — патриархий, так и вообще в пределах Константинопольского Патриархата, среди болгарского и сербского населения⁴⁵.

В чем же выражалось влияние эллинизма и насколько велики были его размеры?

Прежде всего, следует сказать, что влиянию эллинизма подверглись болгарские города⁴⁶. На селлах это влияние отразилось только во Фракии и Южной Македонии, где и по селам совершалось богослужение на греческом языке, а также на греческом языке велось обучение в школах. В остальной Болгарии села остались более или менее свободны от влияния грецизма: в большинстве случаев богослужение там совершалось по-славянски⁴⁷, а школ до последнего времени совсем не было.

Но как ни велико было уважение к греческому языку у болгар, как ни сильно у них было стремление усвоить греческое образование, все-таки влияние грецизма в их среде, даже и в городах, не было слишком глубоким.

Самое усвоение греческого разговорного языка не было слишком глубоким. Даже и в огреченной болгарской среде разговорный греческий язык был нужен только для внешних сношений — в городе⁴⁸. Дома же обыкновенно употреблялся родной, болгарский язык. Особенно с трудом греческий язык усваивали женщины, вращавшиеся исключительно в домашнем кругу и не имевшие никакого отношения к общественным делам⁴⁹. Конечно, и дети в семье усваивали, как родной, не греческий, а болгарский язык. Греческому языку они учились уже в школах. И это обучение им давалось с большим трудом⁵⁰. Поэтому не всегда и результат в этом отношении был вполне благоприятным. Знание греческого языка выражалось более в понимании чужой разговорной речи, чем в собственном свободном владении ею. Нередко бывало, что даже и в более огреченных болгарских городах лица, желавшие называться греками, в знании греческого языка не шли дальше обычных греческих приветствий: ки р и ки р и я, ка ли ме ра и ка ли спе

⁴³ Шишманов, К. Г. Фотинов, СБМ, XI, 643; П. К. «Българското учебно дело в Турски», Пер. Сп., XXIII и XXIV, 850.

⁴⁴ Например, Иоанном Филимоном, автором «Исторического опыта о греческом восстании», 1859, Ср. Голубинский, «Краткий очерк», стр. 293—294; А. А. Архиепископия Первой Юстинианы Охридская, Чт. в Общ. ист. и др. рос., 1866, кн. 4, стр. 66—67; Архим. Антонин (Капустин) «Из Румелии», СПб., 1886, стр. 72—73, прим.

⁴⁵ Подробности см. в нашем исследовании «Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы».

⁴⁶ П. Кисимов, «Принос към историята на руско-турската война от 1828 година». Блг. Сборка, год IX (1902), кн. IX, стр. 566—567.

⁴⁷ Инок Парфений, «Сказание о странствии», М., 1856, ч. 2, стр. 51.

⁴⁸ См. Венелин, О зародыше нозой болгарской литературы, М., 1838, стр. 17.

⁴⁹ См. Меккензи и Эрби, Путешествие..., т. I, стр. 107, 153; В. И. Григорович, «Донесения», 205, 145. Ср. Т. Милков, Антимъ, първи български Екзархъ, Пловдив, 1899, стр. 6—7.

⁵⁰ См. Пърличевъ, Автобиография, СБМ, XI, 359. Ср. «Автобиографию архим. Илии Николова», Виддинъ, 1911, стр. 4—5.

ра и т. д., или, по крайней мере, дальше обычных греческих фраз⁵¹. Да, по понятиям того времени, этого и достаточно было, чтобы казаться человеком просвещенным. «Стоит только забрасывать греческими фразами, — говорит наблюдавший тогдашнюю греческую и болгарскую жизнь В. И. Григорович (1845 г.), — чтобы перестать быть невежей⁵²».

Если более или менее приличное владение разговорным греческим языком было далеко не всеобщим среди огреченных болгар первой половины XIX в., то тем более было редким, особенно у людей, не прошедших греческой школы, знание читать и писать по-гречески⁵³.

Итак, огречение болгар в большинстве случаев носило характер чисто внешний.

Кроме весьма поверхностного усвоения греческого (преимущественно разговорного) языка, оно выражалось также в перемене имен и фамилий на греческий лад. Желавшие быть греками называли себя, например, вместо Апостол — Апостолаки, вместо Стефан — Стефанаки, вместо Георгиев — Георгиу, или по месту происхождения: из Калофера — Калоферидис, из Софии — Софианидис и т. д.⁵⁴.

Вместе с тем подобные «огреченные» болгары меняли свой национальный костюм на европейский, какой обыкновенно носили горожане греки. Так что иногда достаточно было одной такой перемены костюма, чтобы прослыть греком или гречанкой⁵⁵.

Правда, огреченные болгары совершенно не знали славянской азбуки. Но ее не знали по большей части и неогреченные болгары, например, селяне. Огреченные болгары, когда требовалось писать, прибегали обыкновенно к греческой азбуке. При этом более образованные писали или, по крайней мере, подписывались по-гречески. Любопытно, что еще в 1858 г., притом такие лица, как попечители Терновского болгарского училища, не умели подписаться по-болгарски и, где нужно, подписывались по-гречески⁵⁶.

Конечно, такие надписи, как в церквях на иконах, или снаружи церквей, делались на греческом языке. Также и надписи на надгробных плитах иногда делались по-гречески⁵⁷.

Случалось, что в подобных надписях встречались курьезы, свидетельствующие о худо скрытой национальности мнимых эллинов. Вот одна подобная надпись на греческой церкви в Темешваре: «*Ἐποστάτης Ζάτκος φιλογενής, ἔλλην ἀπὸ Γαβροβού*» (Построил Златко, родолюбивый эллин из Габрова)⁵⁸.

Но большинство грамотных людей из болгар, не зная греческого языка и в то же время не зная славянской азбуки, писали болгарскими словами и только греческими буквами⁵⁹.

Между старыми переплетчиками церковных книг около Терново в конце XVIII в. был известен некто поп Стоян из села Кованлъка. Его

⁵¹ Спространов, По възраждането въ градъ Охридъ, СБМ, XIII, 621.
Ср. Димитров, «Княжество България», ч. 1, 255.

⁵² В. И. Григорович, Донесения, стр. 210.

⁵³ П. Кисимов, Исторически работи, Българ. Сборка, год IX, кн. VI, стр. 366, прим. 2. — «Който знаеше да чета и говори прычки, говорит про свое время (начало 1840-х гг.) Райчо Ил. Блъсковъ, казваха го, че той е двоесловъ и с прысть го сочеха» (СБМ, XVIII, 560).

⁵⁴ Димитров, Княжество България, ч. 1, 174.

⁵⁵ Т. Милков, Антим, първи българ. Екзархъ, стр. 7, прим. 2.

⁵⁶ Йорд. П. Георгиев, Екскурзия в Габрово, Пер. Сп., LXIV, 9—10 св., стр. 753. — Тем более это явление долго (еще в 1860-х гг.) имело место в Македонии. См., например, «Материяли по нашего их въздраждане» д-ра Ив. А. Георгиева, СБМ, XXIX, стр. 28, 31 и др.

⁵⁷ Например, в Ямболе. См. Димитров, Княжество България, ч. 1, стр. 392.

⁵⁸ Ibidem, стр. 174.

⁵⁹ Этому приучали болгарских учеников и в греческих училищах. См. Вещелин, О зародыше новой болгарской литературы, М., 1838, стр. 17—18.

надписи на болгарском языке греческими буквами не раз встречаются на старых книгах⁶⁰. Греческими же буквами, по-болгарски, расписывались и некоторые другие переплетчики книг из священников⁶¹.

Когда сливенцы после русско-турецкой войны 1828—1830 гг. решили выселяться в пределы России, то они отправили депутацию к русскому главнокомандующему, находившемуся в Бургасе. Ответ, данный главнокомандующим, был переведен на болгарский язык, как водилось тогда, с массой турецких слов и был написан греческими буквами, как народ привык читать и понимать⁶².

И так было повсеместно в Болгарии (тем более во Фракии и южной Македонии) в начале XIX в.⁶³.

Само турецкое правительство в интересах большей вразумительности для болгарского населения печатало свои официальные документы на болгарском языке греческими буквами. Один такой документ из времени танзимата, напечатанный в Битоле («Кавоуаде», 1851) опубликовал проф. Милетич⁶⁴.

Любопытно, что даже такие болгарские патриоты, как братья Миладиновы (+ 1862 г.), собранные ими и изданные потом в Загребе Штрессмайером болгарские песни записывали первоначально греческими буквами. Константин Миладинов оставил греческую азбуку только после того, как ему сделал должное вразумление Штрессмайер⁶⁵.

Если уже такие патриоты, как Миладиновы, писали греческими буквами, то нет ничего удивительного, если в газете «Македония», издававшейся в 1866—1872 гг. в Константинополе под ред. П. Р. Словейкова, встречаются корреспонденция из Македонии, писанные на болгарском языке греческими буквами, так как корреспонденты не умели писать по-болгарски⁶⁶. Неудивительным становится и тот курьез, что в 1852 г. иеромонах Павел из с. Коникова у Водена напечатал в Солуни свой болгарский перевод Евангелия греческим шрифтом⁶⁷.

В некоторых местах (например, в южной Фракии и Македонии) греческая азбука при письме была в употреблении до последнего времени у более старых болгар⁶⁸.

Греческое влияние, таким образом, в особенности в более огреченных местах, было настолько сильно, что оно успело вытеснить славянскую азбуку и заменить ее греческой. Но самого болгарского языка, даже и в этих местах, оно не успело все же совсем вытеснить. Большинство даже и грамотного болгарского населения писали только греческими

⁶⁰ Йорд. П. Георгиев, С. Арбанаси, Пер. Сп. LXIV (1903), 1—2 св., стр. 111; Цонев, Опис на рукописите и старопечатните книги на Народната Библиотека в София, София, 1910, стр. 515.

⁶¹ См. Е. Спространов, Опис на рукописите при Св. Синодъ въ София, София, 1900, стр. 54, 56.

⁶² П. Кисимов, Бегството на сливенци подиръ руските войски на 1830 г. Бълг. Сборка, год X (1903), кн. 1, стр. 21—23. (Здесь приводится текст ответа русского главнокомандующего, записанный Селиминскимъ).

⁶³ П. Кисимов, «Рукописите на д-ръ Ив. Селимински», Бълг. Сборка, год IX (1902), кн. VII, стр. 431—432.—Подобное же явление—писание греческими буквами—существовало и у других народов, находившихся под культурным влиянием греков: у албанцев, куцо-влахов. См. А. М. Селищев, Очерки по македонской диалектологии, т. I, Казань, 1918, стр. 5—11.

⁶⁴ СБМ, XV.

⁶⁵ Письмо Штрессмайера обществу «Славянская Беседа» в Софии от 15 апреля 1885 г., в статье С. Юринича, Йосиф Юрай Штрессмайер, СБМ, XXII—XXIII, стр. 66. Ср. Г. Спространов, Братя Миладинови, Бълг. Сборка, год XIX (1912), кн. II, стр. 105—106.

⁶⁶ Димитров, Княжество България, ч. 1, стр. 207—208.

⁶⁷ Иречек, История болгар, стр. 657.

⁶⁸ Хр. П. Константинов, Материял за изучаване Родопското наречие, стр. 282 и след. Срв. анонимную статью «Великиденска расходка по Поленинско». СБМ, IX, стр. 709.

буквами, но на национальном болгарском языке⁶⁹. Да и знавших-то писать, хотя бы и греческими только буквами, было чрезвычайно мало. Например, в самом Терново в начале XIX в. таким грамотным человеком среди торговых людей был только один лавочник, некто Панайот-олу⁷⁰.

Самое большее, чего достигло греческое влияние, так это то, что в болгарский язык были восприняты многие греческие слова⁷¹.

Но наряду с этим, и даже в большей степени, болгарский язык подвергся влиянию со стороны турецкого языка, так как турецких слов в нем было заимствовано гораздо больше, чем греческим⁷². И как турецкое влияние, будучи более или менее внешним, со временем постепенно сглаживалось у болгар, так точно и влияние греческое⁷³.

Будучи внешним и более или менее поверхностным, греческое влияние, как можно судить уже из вышесказанного, не сформировало истинного просвещения болгарам. Его не давали и греческие школы, которые имел возможность наблюдать, например, В. И. Григорович в 1840 г. в Южной Македонии и Фракии⁷⁴. Для простой же массы болгарского народа следствием его было то, что она была прямо невежественна⁷⁵. Болгарский народ под турецким игом был крайне темн и невежествен, в частности, невежествен в религиозном отношении⁷⁶. В значительной степени это невежество объяснялось отрицательным влиянием на народ эллинизма⁷⁷.

Не только простой народ, а даже и болгарские священники-престарелые, особенно где-либо по селам Македонии или Фракии, совершенно не зная греческого языка, не понимали греческого богослужения и не отдавали себе отчета в том самом, что они совершали в церкви⁷⁸.

Таковы были следствия эллинизма среди болгарского народа перед

⁶⁹ Ср. свидетельство болгарского учителя Константины Василева относительно Т. Пазарджика в 1853 г. Результатом обучения в греческой школе, по его словам, было «Друго нищо, само да си пишеват Български слова с Гръцки букви (Т. Панчев, Из Архивата на Н. Геров, кн. 1, София, 1911, стр. 54, № 104). Ср. статью «Великенска расходна по Поленинско», СБМ, IX, стр. 693.

⁷⁰ П. Кисимов, Исторически работи, Бълг. Сбирка, год IV (1897), кн. VII, стр. 617, прим. 1; год IX (1902), кн. IX, стр. 567—568.

⁷¹ Это видно, например, из документа, опубликованного проф. Милетичем в СБМ, XV: «Един документ от първото време на танзимата» (см., например, стр. 375).

⁷² Болгарские литературные памятники конца XVIII — первой половины XIX в. пестрят турецкими словами. Сами авторы и переписчики прибегали к турецким терминам, считая их более понятными для народа. См., например, о «речнике» Софрония Врачанского у Орешкова, Автобиография на Софрония Врачански, стр. 34—444.

⁷³ Конечно, говоря о размерах и глубине влияния эллинизма на болгарское население, мы имеем в виду народные массы, в городах и селлах. Что касается отдельных случаев, в особенности там, где болгарское население непосредственно соприкасалось с греческим, то, конечно, наблюдалась нередко картина и полного огречения, перерождения болгарской природы в греческую. Но подобную картину в отдельных, тоже немалочисленных, случаях можно наблюдать и относительно потурчения, орумынения и т. д. болгар. Ср. ст. Н. Шишкова, Помаците в трите български области: Тракия, Македония и Мизия, ч. 1, Пловдив, 1914, стр. 5—6, прим.; ср. стр. 4 и прим. — Зато в Болгарии остались следы гораздо более характерного явления, происходившего как раз за турецкий период, — именно массового обогарения греков (См. Иречек, Княжество България, ч. 1, Българска държава перев. с нем., Пловдив, 1899, стр. 134).

⁷⁴ В. И. Григорович, Донесения, 209.

⁷⁵ Ср. Спространов, По възбуждането в гр. Охрид, СБМ, XIII, 643, прим. 5.

⁷⁶ См. в нашем исследовании «Присхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы».

⁷⁷ В. И. Григорович, «Донесения», 157.

⁷⁸ А. П. Стоилов, «Изъ дѣйствиѣта на о. Неофита Бозвели и смъртта му», Преглед, год 1 (1907), кн. III, стр. 148—149. Ср. письмо Раковского от 1853 г. Пер. Сп. LXIII, 1902, 3—4 связки, стр. 271. Ср. Д. М.-в; Из живота и дейности на архим. Антим Ризов, Преглед, год 1 (1907), кн. 1 стр. 54. — То же самое явление (священники служившее по-гречески, не понимали греческого языка) замечалось и среди гагаузов (христиане, говорящие по-турецки) в Болгарии, (СБМ, XVIII, стр. 569).

временем его духовного пробуждения. Он способствовал духовному отупению и одичанию народа; а в высших городских классах его развивал ложное представление о своей просвещенности, соединенное с презрением к народному имени и низшей народной массе.

Самое страшное во влиянии эллинизма на болгарский народ, неразрывно спаянном с турецким гнетом, было то, что он отнимал у болгар национальное самосознание, понятие о себе, как о нации, имевшей свое историческое прошлое и могущей иметь надежду на будущее. Он не превратил народ в греков, но превратил его, совместно с турецким гнетом, в национальном отношении в безличную массу, влачившую весьма жалкое существование ⁷⁹.

Но в общем так называемая эллинизация болгар не была глубокой.

Вот этим и объясняется, что болгарский народ, когда обстоятельства сложились для него благоприятно, так быстро освободился от греческого влияния, что национальное возрождение болгарского народа произошло так необыкновенно быстро на протяжении немногих десятилетий.

Под влиянием французских освободительных идей конца XVIII в. (Руссо, Вольтер, энциклопедисты), выразившихся особенно в так называемой Великой французской революции, началось освободительное движение в Европе. Движение это, особенно в после-Наполеоновское время, преимущественно сказалось на мелких угнетенных народностях.

Как только, благодаря внешним влияниям, благодаря повышенному пробуждению национального чувства у соседних народов — у тех же греков и особенно у сербов, у болгар появилась искра национального самосознания (о. Паисий с его «Историей» ⁸⁰), как только появились для усиления этой, сначала (с конца XVIII в. до 1830-х гг.) ⁸¹ только тлевшей, искры внешне благоприятные обстоятельства, в виде начавшихся реформ в Турции (танзимат), а также русско-турецких войн и русских культурных влияний на болгар (Венелин и его сочинения), так эта искра вспыхнула ярким пламенем ⁸². Началась лихорадочная деятельность болгар по устройству, по греческому и румынскому образцам, национальных «взаимноучительных» («аллилодидактических») училищ (о. Неофит Рылский и другие болгарские учителя), появился греко-болгарский церковный вопрос, началась страстная борьба за славянское богослужение в церкви (о. Неофит Бозвели и его деятельность), а потом (после Крымской войны) и за создание национальной церкви ⁸³. Чем сильнее чувствовались раньше и внешний, турецкий гнет, и духовная угнетенность от влияния эллинизма, тем борьба эта за духовно-национальную свободу приобрела большую страстность, что привело в конце-концов к печальному явлению — церковной греко-болгарской схизме.

С пробуждением национального болгарского самосознания повяло новым, раньше неведомым духом. Страстный болгарский патриот, русский воспитанник д-р Иван А. Богоров в 1840 г. объезжает болгарские города и убеждает всех и каждого оставить непонятный греческий язык

⁷⁹ Ср. Пърличевъ, Автобиография, СБМ, XI, 353.

⁸⁰ «О неразумие юрде! обращается к огреченному болгарину о. Паисий, поради что ся срамишь да ся наречешъ Болгаринъ и не чатишь по свой языкъ и не думашъ (говоришь)! («История славенноболгарская», по изд. Теодорова, стр. 26).

⁸¹ Обстоятельства в это время были неблагоприятны: кърджалийские времена, борьба с Османом Пазваноглу и т. п. (Ср. А. Теодоров, Болгарская литература, Пловдивъ, 1896, стр. 155).

⁸² См. Палаузов, Записка 1853 г., Пер. Сп. LXIII, 621. Ср. Димитров (М. Д. Балабанов), Писма по народното пробуждане, Пер. Сп., кн. XXV и XXVI, стр. 17. Ср. Априлов, Дополнение къ Денниците, СПб, 1842, стр. 5—8. Ср. также М. Д. Балабанов, Отзыв в България по Ветелиновите писма, СБМ, П. А. Теодоров, Българска литература, стр. 157.

⁸³ Ср. Т. Панчев, «Материали по нашето възбуждане» (Из архивата на Найдън Геровъ), Бълг. Сборка, год XVIII (1910), кн. II, стр. 108; П. Кисимов, Исторически работи, Бълг. Сборка, год IV (1897) кн. VII, 715.

и начать изучать родной болгарский⁸⁴. Серб из Австрии Константин Огнянович, пришлец в Болгарии, загорается болгарским патриотизмом и отдает всю свою жизнь делу болгарского возрождения. В предисловии к изданному им в 1833 г. в Будине «Житию св. Алексия, человека Божия», он, совершенно в духе Паисия, стыдит болгар, что они стыдятся своей народности⁸⁵. В 1840—1860 гг. появляется любопытная личность, некто «Хаджи Найдено Иосифович, татар-назарджичанин, ревнитель болгарского просвещения, учитель и книгопродавец по всея Славено-Болгарии», как он себя титулует. Хаджи Найдено отказывается от семейной жизни и всего себя отдает делу болгарского просвещения, распространяя собственноручно книги собственного издания, а также напечатанные им самим портреты болгарских прежних царей, будившие в болгарях их национальное чувство⁸⁶.

С пробуждением национального самосознания, эллинизм, как явление чисто наносное и внешнее, моментально был скинут⁸⁷. И вследствие того, что эллинизм не пошел глубоко, даже бывшие грекоманы в роде Ст. Захариева⁸⁸ или В. Априлова⁸⁹ (последний и впоследствии не знал хорошо болгарского языка⁹⁰), превратились, в ярых патриотов⁹¹.

Проф.-прот. В. М. Верюжский

⁸⁴ С. С. Бобчевъ, «Преглед на Български Печать» (1844—1894 г.), Пловдив, 1894, стр. 16; Ю. Ивановъ, «Български Периодически Печать», София, 1893, стр. 13.

⁸⁵ См. у Априлова, Дополнение к книге «Денница ново-болгарского образования», СПб, 1842, стр. 4—5. Ср. А. Теодоров, «Сеики», Българ. Преглед, год 1, кн. XI—XII, юли—август, стр. 259—264.

⁸⁶ О Хаджи Найдено Иосифовиче см. статью Н. Начева, Хаджи Найдено Иосифович в Пер. Сп., LXV (1904), 1—2 связи, стр. 100 и след., а также статью Д. Уста-Генчова, Хаджи Найдено Иванов, Пер. Сп. (1910) 9—10 связи, стр. 863 и след.

⁸⁷ Ср. Спиро Странов, За възраждането в гр. Охрид, СБМ, XIII, 643, прим. 5.—Исключение составляли только некоторые более огреченные местности Фракии и Македонии, где грецизм держался более прочно, в иных—до последнего времени, (см., например, П. К., Българското учебно дело в Турско, Пер. Сп., XXIII и XXIV, 851; *** «Битолско, Преспа и Охридско. Пятни бележки», СБМ, IV, стр. 8; 24, 37, 44.

⁸⁸ 30 ноября 1859 г. Стеф. Захариев писал из Т.-Пазарджика Найдено Герову в Пловдив: «Аз преди неколко время, макаръ и да съмъ съ всемъ неучен на материятъ на языкъ, бяхъ предприял да направя едно описание на нашиятъ градъ съ всичкята кааза от ревностъ къмъ народността ны» (Т. Панчев, «Из Архивата на Найдено Геров», кн. I, София, 1911, стр. 600, № 997).

⁸⁹ Во время греческого востания 1821 г. Априлов уступил помещение одного своего магазина в Одессе, чтобы в нем собирались добровольцы, желавшие идти воевать за освобождение Греции. Он и деньгами жертвовал на это дело. Жертвовал также и на греческие училища в Одессе (см. его «Денница новоболгарского образования», Одесса, 1841, стр. 75). Переворот в его мировоззрении и симпатиях, положивший конец его увлечению эллинизмом, произвела в 1831 г. книга Венелина «Древние и нынешние Болгаре», I. Эта книга «пробудила у него», как он сам признается, «любовь к (своей, болгарской) национальности» («Денница...», Одесса, 1841, стр. 91—93, 123).

⁹⁰ См. Т. Панчев, Из Архивата на Н. Геров, кн. I, стр. 330, № 534. Еще в 1838 г. Априлов вел переписку с Неофитом Рыльским по-гречески (см. Ив. Д. Шишманов, Значение и заслуги на бр. Миладинови в «Списание на Българ. Ак. на науките», кн. III (София, 1912), стр. 62). Эта переписка Априлова опубликована Шишмановым в «Училищен Преглед» в 1903 г. Но в 1840 и 1841 гг. Априлов пишет письма отцу Найдено Герова, Хаджи Геро Добровичу уже на болгарском языке (Т. Панчев, Из Архивата на Н. Геров, кн. I, стр. 11—12, № 19).

⁹¹ А. Т. Илиев, СБМ, III, 91 (отд. критика). «Нам самим, пишут английские путешественники Меккензи и Эрби, наблюдавшие болгарскую жизнь в 1860—1870-х гг.,—удавалось встречать родителей, плохо знавших по-болгарски, но сильно заботившихся о том, чтобы дети их основательно изучили родной язык» «Путешествие по славянским областям Европейской Турции», СПб, 1878, т. I, стр. 86).—Ср. рассказ относительно Поленинского (Дойранского) старого чорбаджи Хаджи Мито, бывшего ярым грекоманом до конца 80-х гг. XIX в. и потом прикнувшего к болгарскому движению (*** «Велиденска расходка по Поленинено», СБМ, IX, стр. 600).

(Окончание следует)

ХАРЬКОВСКИЙ СВЯТИТЕЛЬ МЕЛЕТИЙ ЛЕОНТОВИЧ

Святитель Мелетий Леонтович родился 6 ноября 1784 г. от благочестивых родителей Иоанна и Анастасии, по предкам духовного звания, и во святом крещении был наречен Михаилом.

Домашнее воспитание Святителя проходило в самом раннем возрасте под благотворным влиянием его матери. На двенадцатом году он окончил Полтавское приходское училище и для дальнейшего образования был определен своей матерью-вдовой, на казенный счет, в Екатеринославское Духовное училище, а потом в Екатеринославскую Духовную Семинарию. В крайней нищете, голоде и холоде воспитывался в училищах и семинарии Михаил Леонтович, украсивший собой впоследствии Русскую Православную Церковь. В неприглядных обстоятельствах, он, среди множества своих товарищей, отличался честным поведением, прекрасными способностями и благочестивым своим настроем. Промысл Божий таким жестким путем вел бедного сироту к его великому призванию. Юноше Михаилу пошел двадцать четвертый год, когда он с благословения архиепископа Екатеринославского Платона и с одобрения Семинарского Правления был послан на казенный счет в С.-Петербургскую Духовную Академию. В 1814 году он окончил курс Академии и, как лучший из студентов, был удостоен степени магистра и оставлен при Академии бакалавром по кафедре греческого языка.

По окончании академического курса молодой магистр Михаил Леонтович приехал к своей матери в с. Старые Сенжары порадовать ее собой и укрепить силы на предстоящие новые труды.

Мать Святителя Мелетия все время горько переживала разлуку со своим сыном, а теперь по его приезду восторгу и радости ее не было конца. Налюбовавшись своим сыном, она хотела познакомить его с соседними помещиками, дабы устроить ему семейную жизнь, но все ее попытки как-то не удавались и, следовательно, предположение ее о браке сына не осуществилось. Михаил Леонтович возвратился в С.-Петербург, имея в душе твердое намерение принять монашество; видно, путь этот указан был ему свыше, и вскоре он известил свою мать, что его невестой будет Христова Святая Церковь. Получив это письмо, мать залилась слезами, и долго был неутешна, так как мысль видеть своего дорогого сына, единственную опору, монахом, сокрушала ее сердце. Свое намерение принять монашество Михаил Леонтович привел в исполнение не вдруг, а несколько лет подготавливал себя путем деятельного благочестия.

Проходя должность бакалавра, Михаил Леонтович выдвинулся своими нравственными качествами среди других. Суровость Екатеринославского воспитания, замкнутость жизни в стенах С.-Петербургской Духовной Академии, похожей в ту пору на любой монастырь, природная склонность к самососредоточению — все это вместе выработало в Михаиле Леонтовиче деятеля рассудительного и стойкого. В 1817 году, будучи

Святитель Харьковский
МЕЛЕТІЙ

назначенным в Киевскую Духовную Семинарию на должность инспектора и профессора церковной истории и греческого языка, Михаил Леонтович с грустью простился с С.-Петербургской Академией, воспитавшей его умственно и духовно, под сенью которой он провел 9 лет. Спустя два года он был назначен инспектором Киевской Духовной Академии, и только тогда осуществилось его заветное желание. 11 февраля 1820 г. будущий подвижник веры и благочестия, тогда еще мирянин был пострижен в монашество. Чин совершал сам Владыка Митрополит Киевский Евгений Болховитинов и нарек новопостриженного именем Мелетий в честь Антиохийского Святителя, его же память совершается 12 февраля, и в феврале того же года монах Мелетий был рукоположен Митрополитом Евгением в сан иеродиакона и иеромонаха. Отбыв, по церковному уставу, несколько дней и ночей в храме после пострига и совершив поклонение Киево-печерским угодникам, инок Мелетий посетил старцев и схимников Лавры, прося у них себе молитв, благословения и духовного назидания, и, Бог знает, быть может, семя, посеянное этими старцами, принесло впоследствии свой обильный плод.

В должности инспектора Киевской Духовной Академии отец Мелетий состоял недолго. Через два года он был назначен ректором Могилевской Духовной Семинарии и настоятелем Кутенского Оршанского монастыря с возведением в сан архимандрита, а через два года — ректором Псковской Духовной Семинарии и в следующем 1824 г. он был переведен на должность ректора в Киевскую Духовную Академию. При личных достоинствах и заслугах архимандрита Мелетия неудивительно, что его часто переводили с места на место: всюду он был нужен.

Почти через два года ему было указано принять в свое настоятельство Злато-верхо-Михайловский монастырь, но уже в ту пору в Св. Синоде было решено вручить епископский жезл архимандриту Мелетию.

Хиротонии ректора Киевской Духовной Академии архимандрита Мелетия во епископа Чигиринского, викария Киевской епархии, совершали архиепископ Черниговской Лаврентий и епископ Нижегородский Афанасий 21 ноября 1826 года, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы в Киево-Софийском соборе.

21 апреля 1828 г. внезапно последовало назначение Преосвященного Мелетия на Пермскую кафедру, и в конце мая Владыка, сердечно простившись со своей обителью и Киевом, выехал в далекий путь. Промыслу Божию угодно было возводить Святителя Мелетия из меры «в меру возраста исполнения Христова».

Из Киева в Пермь путь лежал через Москву, где Преосвященному Мелетию удалось выслушать добрые советы от своего опытного академического наставника, бывшего уже тогда на Московской Первосвятительской кафедре, приснопамятного Митрополита Филарета Дроздова. В Перми Святителя Мелетия встретили новые заботы: его предшественниками было оставлено много неразрешенных и запущенных дел, которые получили надлежащий ход и скорость при сем новом и неутомимом архипастыре, поселившем в короткое время своего управления в сердцах своей паствы глубокое к себе уважение и любовь. Постоянно питая свой дух келейною молитвою, частым и благоговейным богослужением и постоянным чтением отеческих творений, Святитель Мелетий всегда пребывал в богомыслии и непрестанно творил молитву Иисусу. Он с таким горячим усердием совершал священнодействие в храме, с такой живой и пламенной молитвой приносил Богу бескровную жертву, вознося ум и воздевая руки к небу, что православные христиане глубоко почитали его и, чувствуя особое благоговение, уже и тогда называли его святым. Слух о подвижнике — архипастыре скоро разнесся во все углы Пермской епархии, так что при объезде Преосвященным Мелетием своей паствы, люди выходили к нему на дорогу, падали на колени и

молились на Святителя, осенявшего их. Как носитель святительского сана, Пресвященный Мелетий очищал свою совесть частой исповедью: он имел обыкновение исповедываться каждый месяц со слезами и глубоким смирением. Раскольников, издавна свившее себе прочное гнездо в Пермской епархии, приковывало неослабное внимание Святителя к своему стаду.

Ровно три года управлял он Пермской епархией, и 18 июня 1831 г. состоялся его перевод из Перми в Иркутск с возведением его в сан архиепископа. Вступление на новую кафедру произошло при таких исключительных и нравственно-тяжелых обстоятельствах, что нет возможности умолчать об этом. Предместник его по Иркутску, архиепископ Ириней Нестерович, человек чрезвычайно прямой и правдивый от природы, в силу своего пылкого полувосточного темперамента, дерзнул выступить против самопроизвола и открытой безнравственности чиновничества и до того вооружил против себя Иркутского генерал-губернатора Лабинского, что тот употребил меры против архипастыря, смутившие весь Сибирский край. Он добился запрещения священнослужения архиепископу Иринию и взятия его под стражу. Не трудно понять, в какое тяжелое положение был поставлен Святитель Мелетий с первого же шага на новом месте. События в Иркутске были велики. Епархия в то время была в смятленном положении. Новому архипастырю предстояло умиротворить и успокоить ее и Высокопреосвященный Мелетий своей законной правдивостью, мудрой сдержанностью, кротостью и миролюбием скоро достиг желаемого умиротворения; и неосновательное преднамеренное нерасположение к Святителю Мелетию скоро заменилось добрым и благожелательным чувством к нему его новой паствы.

Четыре года Иркутской жизни были для Владыки Мелетия крестным путем. Одно нравственное бремя сменялось другим, а все это вместе, при суровом Сибирском климате, отзывалось разрушительно на слабом здоровье Святителя Мелетия. Управляя Иркутской епархией, он выносил одно горе за другим, одну скорбь за другой. Весть о кончине нежно любимой матери, умершей в Елизаветграде, не могла не опечалить его.

За этим горем последовало другое. Между вызванными из внутренних губерний в Иркутскую епархию для проповедывания слова Божия оказался некий игумен Израиль, настоятель Троицко-Селенгинского монастыря, за Байкалом, который основал в своем монастыре ересь и стал вводить иной чин богослужения. Не только монашествующие, но и миряне увлекались этой ересью, взволновавшей все Забайкалье. Много хлопот и сердечных волнений выпало на долю Владыки Мелетия, хранившего свою паству от соблазна и греха, ревновавшего о ее благочестии. Дело кончилось лишением Израиля священства и монашества.

Миссионерские заботы этого светоча веры и благочестия получили в Иркутске новую силу и направление. В Пермской епархии его борьба была главным образом с раскольниками, здесь же—с язычеством. Святитель Мелетий ввел в Иркутске общерусский обычай стоять всем предстоящим в храме с зажженными свечами во время чтения страстных Евангелий в Великий Четверток. На все обращая свое зоркое внимание, Святитель Мелетий более всего пекся о семинарии—этом рассаднике достойных пастырей Христова стада, в которых Иркутская епархия особенно нуждалась.

Труды, климат и разные невзгоды расстроили и без того слабое здоровье Святителя Мелетия, и он вошел с ходатайством в Св. Синод о переводе его в одну из Малороссийских губерний. Последовало повеление о переводе архиепископа Мелетия на кафедру Слободско-Украинскую в г. Харьков с оставлением за ним Иркутского старшинства и оклада; и 18 августа 1835 г., после молебствия у раки Святителя Иркутского Иннокентия, Владыка отправился к месту своего нового служения.

В г. Харькове Святитель Мелетий пробыл со дня своего прибытия на эту кафедру (9 ноября 1835 г.) по день блаженной кончины своей, последовавшей 29 февраля 1840 г. Это время было последним периодом в духовном возрасте Святителя Мелетия.

В управлении Святителя Мелетия здешней епархией, обстоятельства складывались так, что и губерния и епархия получили полную административную и даже именную самостоятельность. Было сделано исправление границ, и «Слободско-Украинская» епархия стала называться «Харьковской», а епархиальному архиерею повелено было именоваться — «Харьковским и Ахтырским». Представители и члены университетской корпорации с подобающим почтением относились к Святителю Мелетию, и Харьковский университет избрал его почетным членом.

Архиерейские богослужения до сих пор совершались очень редко, а с вступлением на Харьковскую кафедру Высокопреосвященного Мелетия для жителей г. Харькова настало особенно великое утешение в постоянном служении Владыки, ибо ни один воскресный, ни один праздничный день не оставался без служения архиерейского. Заботясь о всем добром, Святитель Мелетий обращал особенное внимание на ближайших к нему лиц и сослужителей. Певческий хор и служащие при нем на разных степенях были строго наблюдаемы, как в отношении благонравия, так и в отношении долга. Нельзя обойти молчанием того обстоятельства, которое служит очевидным свидетельством силы и действенности его молитв и вообще святости жизни. Когда Владыка Мелетий служил Литургию, то приходили в церковь одержимые разными духами и, видя его, с воплем говорили: «будешь, будешь прославлен, но прежде тебя будет прославлена Божия Матерь, а потом ты». Борьба с расколом была присуща Святителю Мелетию. И в Киеве, и в Перми, и в Иркутске, и в Харьковской епархии он старался действовать просветительно на темную среду раскольников, непосредственно или через подведомственное ему духовенство.

Время шло своим порядком. Харьковская паства видела глазами и чувствовала сердцем, что архипастырь ее, Святитель Мелетий, не обыкновенный человек, а постник и подвижник. В июне 1838 года случилась в Харькове необыкновенно сильная гроза, несомая бурей от запада к востоку и приведшая жителей в ужас. Но лишь Святитель Мелетий преклонил пред св. иконами колени и помолился, куда вдруг девалась гроза, и буря унеслась далеко на восток, а Святитель Мелетий при этом заметил: «Этот настоящий страх — быстротечен, а будущий — вечен». Но эти необычайная гроза, пощадившая Харьков по молитвам Святителя Мелетия, для него самого была, как бы небесной трубой, голосом свыше. В тот же год Святитель Мелетий тяжело занемог. Все были в страхе за его жизнь. В то время сестра Святителя, жившая недалеко от его дома, выйдя как-то поздно вечером из своей квартиры с домочадцами, услышала крик сына над домом Владыки. Едва она дождалась рассвета, чтобы пойти к брату, ибо, по существующему народному поверью, крик сына пророчил смерть. Но Владыка, не дав ей высказаться, сам сказал, что не надо верить в бабьи поверья, а надеяться на милость Божию, и что он умрет и, хотя об этом не следовало ей говорить, не теперь, а через год, а теперь выздоровеет. Так и случилось. Ко дню Святой Троицы Владыка выздоровел.

Наступила зима 1839 г. Незадолго до кончины Святитель Мелетий имел чувствительную неприятность. Может быть Господь попустил это, чтобы еще при жизни открылись его душевные доблести и необыкновенные подвижнические достоинства. Во главе Харьковской Консистории стоял архимандрит Иоанн Оболенский, он же ректор Харьковского Духовного Коллегиума, который, обвинив архиепископа Мелетия в прихотливости и лени, донес Св. Синоду, что Святитель медлителен в делах

епархиальных, не подозревая при этом крайнюю болезненность и тяжелые страдания Святителя. Св. Синод, вследствие такого доноса, сделал Святителю Мелетию свое внушение и запрос. Получив эту, совершенно неожиданную неприятность, и, прочтя бумагу, оговоренный невинно Святитель тяжело вздохнул и, пригласив архимандрита Иоанна к себе, кротко спросил его, какие именно дела имел он в виду, ибо все дела по рассмотрению их, он возвращал немедленно, несмотря на болезненное изнеможение и, приказав келейнику снять с себя рубаху, показал архимандриту свои раны. Архимандрит, как только взглянул, тотчас пал к ногам его и на коленях, горько рыдая, со слезами просил прощения, — потому что зрелище было слишком поразительное: на правом плече тела и кожи вовсе не было, и кость виднелась на два вершка, с левого бока на ребрах — рана в один вершок и то же самое на обоих бедрах; на ранах гноевидного ничего не было, а только окраины красные и видны голые сухие кости. Надев рубаху, Преосвященный сказал архимандриту, глубоко сонавшему свою несчастную ошибку: «Бог тебя да простит, и я прощаю, иди с миром, да молчи».

Нам неизвестны все добродетели блаженного архипастыря, ибо поступая по заветам Спасителя, он насколько возможно, скрывал их от людей, соблюдая только для Единого Отца Небесного, видящего втайне. О добродетелях Преосвященного Мелетия люди узнавали лишь случайно и потому знали их только отчасти.

Выдающийся харьковский протоиерей о. Н. Лашенко в свое время записал воспоминания И. А. Фищукова, старшего фельдшера в университетской клинике, рассказывавшего о том, как Святитель Мелетий с узелком и палкой в руках в простой монашеской рясе навещал больных, лечившихся в клинике. Приходя пешком, он всегда угадывал такое время, когда, кроме его (фельдшера) и прислуги, никого из врачей и служащих в клинике не было. Обходил он всех недужных, а около трудно больных садился и весьма тихим голосом расспрашивал о болезни, о семейном положении больного, советовал точно исполнять приказания врачей и при этом учил молиться умной молитвой, переносить все с христианским терпением и предавать себя воле Божией. Больным, которые имели достатки, он вынимал из платочка книжечки духовного содержания и давал им, а больным бедным давал и книжечки и деньги — книжечки прямо в руки, а деньги клал под подушку больного.

Святитель Мелетий, находясь на Харьковской кафедре, творил добро втайне и Бог воздавал ему явно. Однако, усиливавшаяся все время болезнь Святителя Мелетия была уже для него переходной ступенью в вечность, где нет ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная.

6 декабря 1839 г., по случаю храмового праздника, Святитель Мелетий совершал Божественную Литургию в Харьковской Николаевской церкви. Предание говорит, что в тот самый день метель и сильный снег занес дома до самых крыш. Трудно было проехать, и Святителю Мелетию пришлось выйти из экипажа и идти пешком. Едва добрался он до храма, ведомый под руки, и сел перевести дух от усталости. Это было его последнее богослужение в храме земном. Преосвященный Мелетий, без того уже страдавший простудой, заболел окончательно. Не взирая на свои страдания, Святитель Мелетий на смертном одре занимался еще епархиальными делами. Скоро город и вся паства поражены были вестью о тяжелой болезни любимого архипастыря и с половины февраля все начали отчаяваться в его выздоровлении. У него открылась скоротечная водяная болезнь. Во время своей болезни Святитель Мелетий исповедывался, приобщился Св. Пречистых Таин и маслособоровался.

За три дня до кончины Святителя Мелетия, когда он был уже крайне слаб силами телесными, силы благочестивой души его всецело были устремлены в молитве к Богу, Лицу Коего он готовился предстать. По-

груженный в молитвенное безмолвие, нарушаемое изредка глубоким вздохом, лежал он на болезненном одре, кроткий и смиренный, как всегда. Приближенные не оставляли его в это время, опасаясь внезапной его кончины. В означенный вечер любимый келейник, его по-прежнему улегся около Святителя на пол. Но сон на сей раз бежал от его глаз, и непонятный ужас объял все его существо. Не понимая причины этого, келейник перешел на другое место. Заметив его беспокойство, Святитель тихо сказал, чтобы он укрылся его ряской, лежавшей невдалеке. Келейник исполнил это и вскоре забылся легкой дремотой. В это время ему представилось, будто в покое, где лежал Святитель, разверзся покров, и его начали наполнять светлые облака. Вскоре они окружили самый одр Святителя со всех сторон, так что предметы виднелись в них, как бы сквозь густой туман. Вслед за тем предстали у одра два светоносных юноши в белых одеждах, поместившись по сторонам у изголовья, за ними смиренно следовал благообразный старец в одежде схимника, в светлом облике которого видевший узнал Святителя Митрофания Воронежского. Старец поместился у ног лежащего Святителя, и он и оба юноши, казалось, ждали чьего-то прихода. Келлия озарилась светом, еще более ослепительным, трудно сносимым глазами сновидца.

На середине, у изголовья Святителя, предстал сиявший красотою и величием Муж в багряной рясе, Лице Коего от обилия источавшегося от Него света, недоступно было созерцанию. «Откройте», — вешал сей Дивный Муж юношам, Ему предстоящим, и те сияющим неким оружием вскрыли перси лежавшего Святителя до самого сердца, из коего высоко в гору поднялся светлый пламень. «Довольно», — сказал Явившийся, — «пора упокоить». — «Повели, Владыко», — смиренно отвечали Ему светлые юноши. Святый же Митрофан, концом своей схимы покрыл перси Святителя Мелетия. На этом келейник проснулся, дрожа всем телом, и испуганный сим чудесным видением поспешил к Святителю, думая, что он уже скончался. Но он еще был жив и лежал в прежнем положении с оживленным молитвою лицом и блистающими неземной радостью очами. Как иступленный стоял он безмолвно у одра своего архипастыря, и Святитель чуть слышно проговорил: «Чего ты испугался? Не бойся, через три дня будет кончина», и опять погрузился в молитвенное молчание. Немного погодя, Святитель сделал нужные распоряжения келейникам и, преподав им мудрые свои наставления, сказал: «Вот и я желание свое получил: со дня пострига моего в иночество, какое правило положил себе к воздержанию, так его и окончил. И вы все молитесь Богу, Он и вам да будет Помощник». Пробыла полночь. Настало глубокое утро 29 февраля 1840 г. Ангел смерти уже витал над болящим. Пригласив братию и духовника со Св. Дарами, Преосвященный исповедывался, взял Чашу в свои руки, трогательно и с глубоким чувством прочитал молитву: «Верую Господи и исповедую» и велел духовнику приобщить его Св. Христовых Таин. По принятии Святых Даров, Владыка возгласил: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко». Трисвятое, Отче наш, и простился с окружающими. Еще с последним дыханием исходили из уст его молитвы: «Заступник души моя буди, Боже, яко посреде хожду сетей многих, избави мя от них и спаси мя Боже, яко Человеколюбец». «Все упование мое на Тя возлагаю, Мати Божия, сохрани мя под кровом Твоим». Оградив себя крестным знамением, еще сказал: «Простите меня», и с тем предал дух свой Богу. Было 2 часа 45 минут утра, когда Святитель Мелетий отошел на вечный покой, как раз в то самое время, когда во временной жизни своей имел обыкновение после ночного молитвенного подвига возлегать на одр для некоторого успокоения телу своему. Ровно в три часа утра печальный звон колоколов возвестил жителям г. Харькова об исходе души глубокочтимого архипастыря и в несколько мгновений обширные

залы архиерейского дома были полны сетующими гражданами, и все с благоговением и с любовью целовали святительскую десницу.

Повсюду в Харькове водворилась искренняя грусть о невозвратимой потере. На третий день после своей кончины Святитель явился в сновидении своему духовнику и сказал, чтобы вложили ему в руки забытые четки. И когда духовник влагал ему в руки четки, рука Святителя при этом была как у живого.

4 марта, по приглашению Харьковской консистории, прибыл епископ Курский Илландор Чистяков, который и совершил чин погребения над усопшим Святителем. Существует в Харькове предание, что Святитель Мелетий на смертном одре своим завещал, если тело его предается тлению до трех дней не хоронить его в общей усыпальнице, а предать погребению в другом месте. Между тем шесть дней стояло тело Святителя Мелетия и не только не было заметно признаков тления, но оно издавало благоухание. Пальцы правой руки Святителя Мелетия после его кончины постоянно были сложены так, как обычно складываются они для благословения и, несмотря на частое приведение этой руки в обычное положение, она снова принимала благословляющий вид, пока не вложили в нее к концу погребения разрешительной молитвы Святой Церкви.

После погребения тело Святителя Мелетия было поставлено в усыпальнице под колокольной Харьковского Покровского монастыря, где находились гробы и других усопших владык. Впоследствии, по неисповедимым судьбам Божиим, монастырская усыпальница обращена была в церковь, гробы усопших Харьковских владык замурованы в стены, а гроб Святителя Мелетия, заключенный в другой, металлический, остался на виду у всех, проходящих сюда помолиться. Усердствующими людьми были сделаны некоторые украшения при этом гробе и над ним были размещены иконы из собственных Святителя Мелетия.

3 декабря 1875 г. в усыпальнице Харьковского Покровского монастыря случился пожар. Все обгорело вокруг честной раки Святителя Мелетия, даже распаялся металлический гроб, деревянный же остался не только невредимым, но даже обивка не подверглась порче. После пожара тело Святителя Мелетия было перенесено в пещерную во имя Трех Святителей церковь и устроено по правую сторону алтаря у восточной стены храма. Уже после блаженной кончины народное усердие к Святителю Мелетию стало выражаться повсеместно в г. Харькове и всей Харьковской епархии поминовением его души на проскомидиях и панихидах. Он глубоко чтится местными жителями, как небесный покровитель и заступник нашего града и всей нашей области. Народный голос уже давно канонизировал Святителя Мелетия, и чада Церкви Божией постоянно прибегают к его молитвенной помощи во всех скорбных случаях и обстоятельствах жизни и просят его ходатайства и исцеления больным и страждущим.

БИБЛИОГРАФИЯ

- 1) Гр. Ив. Кулжинский, Святитель Мелетий Леонтович, архиепископ Харьковский и Ахтырский. Полное житие. Харьков, 1881.
- 2) Историко-статистическое описание Харьковского Кафедрального Успенского собора. Харьков, 1894.
- 3) Проф. Д. И. Багалей и Д. П. Миллер, История г. Харькова за 250 лет его существования. Историческая монография, 1912, т. 1 и т. 2.
- 4) С. В. Булгаков. Настольная книга для священноцерковнослужителей, изд. 3, Киев, 1913.

ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ ФЕДОРОВИЧА ЛЬВОВСКОГО

В 1949 г. исполняется 55 лет со дня смерти знаменитого композитора Г. Ф. Львовского, имя которого хорошо известно во всех концах Русской Православной Церкви. В рядах современных ему русских духовных композиторов: Е. С. Азеева, А. А. Архангельского, М. Балакирева, Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского, Д. Н. Соловьева и др., и ближайших предшественников: А. Ф. Львова, прот. П. Турчанинова, Д. С. Бортнянского, Давыдова, Г. Ф. Львовский занимает одно из почетных мест.

Он обогатил Русскую Церковь своими вдохновенными музыкальными церковными произведениями, написал ряд ценных статей о церковном пении, научил руководимые им хоры быть тонкими и внимательными исполнителями церковных песнопений. Его труды в области церковного пения не утратили своего значения до настоящего времени. Теперь, когда приближается 55-я годовщина смерти Г. Ф. Львовского, уместно вспомнить его жизнь и труды на пользу Святой Православной Церкви и помянуть его добрым словом.

Г. Ф. Львовский родился 25 января 1830 г. в селении Ленкоуцы (Мерешевка) в Бессарабии. Отец его был мелкий помещик, украинец, мать — молдаванка. В детстве Григорий Федорович получил религиозное воспитание. Родители его, желая видеть своего сына на службе Церкви, отдали его в Кишиневское духовное училище, а затем — в Кишиневскую семинарию. В семинарии — у Львовского открылись крупные музыкальные дарования: он хорошо пел, лучше всех управлял семинарским хором и отлично играл на скрипке.

По окончании семинарии, Г. Ф. Львовский, как один из лучших учеников, мог быть направлен в Духовную академию, но Преосвященный Антоний, епископ Кишиневский, убедил его отправиться в Петербург, для поступления в певческую капеллу. В то время Петербургская певческая капелла была единственным музыкальным учебным заведением по церковному пению. Преосвященный Антоний обещал принять Львовского, по окончании им образования, регентом Кишиневского архиерейского хора. Свою доброту к Львовскому Преосвященный Антоний простер до того, что написал о нем рекомендательное письмо Петербургскому Митрополиту Никанору.

Митрополит Никанор внимательно отнесся к талантливому юноше — Львовскому, предоставив ему келлию в Лавре и полное содержание на все время его обучения. Жизнь в стенах Лавры еще более укрепила в Львовском религиозное настроение. Он с восторгом выстаивал часами богослужения в величественном лаврском соборе, свел знакомство и дружбу со студентами Духовной Академии. Протонерей Иоанн Кронштадтский (Сергиев) — тогда студент Академии — часто посещал Львовского в его келлии, слушал его игру на скрипке, участвовал в пении под его руководством, вел беседы на религиозно-философские темы.

В эти годы Г. Ф. Львовский сложился таким, каким остался на всю жизнь: глубокорелигиозным, строго нравственным, трудолюбивым, трудоспособным, всецело преданным делу церковного пения, скромным, правдивым, честным и при всем этом — высокогуманным человеком.

Окончив блестяще курс обучения в капелле, Г. Ф. Львовский возвратился в Кишинев и пробыл в Кишиневе три года регентом архиерейского хора.

В 1853 г. Петербургский Митрополит Никанор вызвал Г. Ф. Львовского на должность регента Митрополичьего хора. Г. Ф. Львовский с радостью принял это высокое предложение.

В 1858 г. Львовский был приглашен капеллой на должность учителя хора певчих Исаакиевского собора. По совместительству долгие годы Львовский был учителем пения в хорах Преображенского и Семеновского полков, учителем пения в Смольном институте и Исидоровском епархиальном женском училище. Когда в 1853 г. Г. Ф. Львовский стал регентом Митрополичьего хора, а через 5 лет — и учителем пения другого большого хора в Исаакиевском соборе, на него легло много забот и важных ответственных обязанностей. Прежде всего, ему было надобно привести в порядок Митрополичий хор, состав которого не отличался совершенством, кажется, вследствие малой обеспеченности певцов. Эта часть дела была выполнена Г. Ф. Львовским блестяще: он изменил состав певчих, совершил поездку по южным епархиям России и, с целью привлечения хороших голосов, выхлопотал для певцов более обеспеченное вознаграждение и квартиры в лаврских домах и привел Митрополичий хор в образцовое состояние. О Г. Ф. Львовском, как регенте сохранился ряд почетных печатных отзывов...

Одновременно с этим, Львовский много работал над выбором тех песнопений, какие должны были исполняться Митрополичьим хором за богослужениями.

Исполнение этой части работы было бы непосильно Львовскому, если бы сам он не был поистине вдохновенным композитором. Всякому понятно, что упразднить какое-либо явление действительной жизни, особенно в области церковного пения, совершенно невозможно без предварительного замещения его новым, более совершенным. Львовский постепенно начал вводить в состав богослужений свои сочинения, которые, по сравнению с кудреватыми и бессмысленными композициями, господствующими на клиросе, отличались несомненной художественной простотой и изяществом в строгом церковном стиле.

Митрополит Никанор и его преемник с 1856 по 1860 г. Митрополит Григорий I ценили и уважали дарования и усердие Г. Ф. Львовского и не отказывали ему ни в чем, когда речь шла об улучшении хора или расходах на его содержание.

Положение резко изменилось, когда на Петербургскую кафедру в 1860 г. взошел Митрополит Исидор. Митрополит Исидор не интересовался пением, не обращал никакого внимания на качество хора, отказывал в отпуске средств на улучшение хора, равнодушно относился к духовно-музыкальным произведениям своего знаменитого регента и даже не всегда позволял Г. Ф. Львовскому петь его произведения в Лавре. Такое положение, очень удручающее Г. Ф. Львовского, продолжалось 30 лет, до смерти Митрополита Исидора.

К нравственным страданиям Львовского присоединились физические. Простудившись в 1863 г. на освящении церкви, Г. Ф. Львовский захворал в тяжелой форме ревматизмом, мучавшим его всю жизнь. Концы пальцев на руках были скрючены, он лишился возможности играть на скрипке и с большим трудом играл на рояле. Возможно, что постоянные страдания наложили отпечаток на творчество Г. Ф. Львовского. Почти все его произведения проникнуты печальным характером.

В сентябре 1893 г. скончался Митрополит Исидор. Новый Митрополит Палладий оказался любителем музыки Сартти и Галуппи, даже Моцарта и прочих мастеров по фабрикации нашего православного пения, и потребовал от Г. Ф. Львовского «возвращения к старому стилю пения».

«Мне приходится, — писал Львовский своему другу, — с сердечной скорбью и слезами на глазах служить не делу, а лицам, и не так, как бы желалось, а как велят. Нахожусь между молотом и наковальней и не знаю, что будет дальше, но теперь мне очень жутко» (письмо А. Н. Карасеву от 16/XII—1892 г.).

Дальше произошло то, чего никак не ожидал Г. Ф. Львовский. Митрополит Палладий, не предупредив его, выписал своего рязанского регента И. Я. Тернова и назначил его регентом Митрополичьего хора. Тернов, к чести его, согласился быть лишь помощником Г. Ф. Львовского с тем, чтобы ознакомить Львовского с музыкальными вкусами Митрополита Палладия. Такое положение долго не могло продолжаться. В мае 1894 года Г. Ф. Львовский, согласно прошению, был уволен от управления обоими хорами: Митрополичьим и Исаакиевским на небольшую пенсию.

Весной 1894 г. Львовский с семьей выехал на лето в Ленкоуцы, мечтая работать на свободе. Там он написал «Херувимскую» № 42 и последнее свое произведение «Да молчит всякая плоть человека» (переложение Знаменного роспева). Это песнопение Знаменного роспева десяти раз перекладывалось разными авторами; а сам Львовский дважды использовал его мелодию в причастном: «Блажени, яже избрал». В своей регентской практике, за богослужениями в Великую Субботу, Г. Ф. Львовский всегда пользовался прекрасным переложением прот. П. Турчанинова на эту же мелодию, внося лишь незначительные изменения в те места, в сторону сохранения мелодии, где прот. П. Турчанинов допускал отклонения. Казалось, что все возможные виды переложения этой мелодии исчерпаны и тем поразительнее, что Г. Ф. Львовский нашел новые сочетания звуков, новые ходы, поражающие мощью творчества и красотой. Особенно хороша, по сравнению с переложением прот. Турчанинова, — гармонизация слов: «и да стоит», «со всяким началом...» «земное в себе да помышляет», «Царь бо царствующих...» «и датися в снедь верным...». Это произведение свидетельствует о сильном религиозном вдохновении великого музыканта.

Летом 1894 г. Г. Ф. Львовский простудился и не мог уже оправиться от болезни. В 3 часа дня 5 октября 1894 г. он скончался. Он умирал в полном сознании: благословил своих детей, взял в руки зажженную свечу, осенил себя полным крестным знамением, потом сказал: «Господи, в руке Твоей предаю дух мой» и заснул на веки. Гроб с телом Г. Ф. Львовского был привезен в Петербург 11 октября. 12 октября состоялось отпевание Г. Ф. Львовского. Похоронен он на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры в конце 3-й дорожки от входа, у самой ограды.

Жизнь Г. Ф. Львовского является поучительным примером жизни церковного деятеля, верного Церкви до смерти. Будучи глубоко религиозным человеком и смотря на свою клиросную работу, как на дело служения Богу, Г. Ф. Львовский всего себя отдал делу церковного пения и принятому им новому направлению в церковной музыке, не ища себе от этой работы ни почестей, ни выгод, ни наград. Не ради заработка Г. Ф. Львовский заполнял свой день уроками и занятиями, помимо Митрополичьего хора, еще в Исаакиевском соборе, в хорах Преображенского и Семеновского полков, в Исидоровском женском училище, в Смольном институте. В Г. Ф. Львовском горело неугасимое стремление сделать свою деятельность практически полезной. Весь смысл своей

жизни он видел в осуществлении своих идей о церковном пении и пылал желанием возможно скорее расширить круг деятелей — сторонников нового направления в церковном пении. «Борьба за идею всегда была и будет, — писал Львовский, — делом честных тружеников, которых и судьба не балует, и бабушка не ворожит. Нужно терпеть, идти твердой стопой по пути, который мы сами себе избрали» (письмо А. Н. Карасеву от 25/XI—1891 г.).

Отвечая тому же лицу на сетования о трудности работы при Митрополите Исидоре, смутно понимающем деятельность Г. Ф. Львовского, последний писал: «Обращайтесь чаще к рассудку, думайте, что вы служите делу, которому преданы всей душой, а не тем или иным лицам, смутно понимающим наше дело. Утешайтесь мыслью, что мы преидем, а дела наши останутся и будут свидетельствовать, что мы были не ленивые рабы» (16/XI—1891 г.).

Львовский по своему положению и деятельности был далек от политики, но вся его деятельность в области русского церковного пения служила интересам русского народа. Чрезвычайно характерно, что даже в такой области, как церковное пение, Львовский ощутил недостатки общественного строя тогдашней царской России. Ему было трудно осуществлять свои идеи, потому что в глазах общества он занимал низкое положение церковного регента. «Регент, что повар» — с горькой усмешкой говорил Львовский, — им обоим господа заказывают блюда, и их обоих не пускают к господскому столу». «Для успеха, — с горечью говорил Г. Ф. Львовский, — надо иметь гибкую спину и лисий хвост», а таких качеств у Г. Ф. Львовского не было. «Если когда-нибудь будет обсуждаться вопрос, — писал Львовский, — в какой стране труднее пробить себе дорогу гению, таланту, в какой стране труднее жить, работать, развиваться гению и проявить себя во всем блеске своих дарований, то родной России будет отведено если не первое, то уж, наверное, далеко не последнее место» (письмо А. Н. Карасеву 6/VI—1891 года).

Г. Ф. Львовский не был похож на типичного в его время регента — профессионала, он не замыкался в узкие рамки профессиональной деятельности. Он от природы богато одаренный, был разносторонним и широко мыслящим деятелем церковного пения. Г. Ф. Львовский боролся за новое направление в церковной жизни. Он боролся против низкопоклонства перед Западом, «против возвращения к временам Сарты, Галуппи и прочих мастеров по фабрикации нашего православного пения на заграничный лад».

Он боролся против употребления на клиросах безграмотных, бездарных музыкальных произведений, «жалких лачужек, возводимых без всяких правил архитектурного художества» (письмо Г. Ф. Львовского от 26/III—1893 г.). Он трудился над «возведением стройного музыкального здания на основе древнерусских церковных напевов». Необходимо отметить полную глубину мыслей докладную записку Г. Ф. Львовского, поданную им в Св. Синод, в которой он отчетливо провел мысль, что вне отношения к церковным напевам, от глубочайшей древности сохранным в Церкви церковным преданием, нет и не может быть успеха певческого дела в серьезном и строгом смысле этого слова. «Изучая более 30-ти лет церковное пение, — писал Г. Ф. Львовский в докладной записке Св. Синоду, — я пришел к тому заключению, что гласовые и другие древние церковные мелодии должны при гармоническом сочетании оставаться неприкосновенными, как текст Св. Писания. Часто и подолгу вдумываясь в характер наших древних песнопений, я стал гармонизировать церковные мелодии, придерживаясь строгого стиля, оставляя мелодию в первом голосе и заботясь о том, чтобы при гармонизации она была явственна и свободна от параллелизма и не-

нужных модуляций, изменяющих характер мелодий и загромождающих ее разными аккордами до неузнаваемости.

Таким богатством древне-церковных мелодий, как наша Православная Церковь, ни одна инославная церковь не обладает. «Жатвы много, деятелей же мало». Дай Бог, чтобы духовные композиторы, вместо измышления собственных творений, чуждых по духу и характеру Православной Церкви, обратили свое внимание на наши древние церковные песнопения и потрудились над развитием истинного церковного пения для прославления имени Божия и во благо Православной Церкви».

Такое благоговейное отношение Львовского к древним мелодиям было новым для того времени. Даже такие непререкаемые авторитеты, как прот. П. Турчанинов и А. Ф. Львов и те допускали более или менее свободное отношение к древней мелодии. Они иногда отступали от древних мелодий, — изменяли их, где это находили нужным.

Указанный Г. Ф. Львовским способ гармонизации древних роспевов также был нов. Прот. П. Турчанинов во всех своих переложениях и А. Ф. Львов — во многих — держались более простого способа гармонизации, именно: мелодия во втором голосе, первый голос следует параллельно второму в терцию, бас — аккомпанирует по главным ступеням, тенор заполняет пустые места аккордов. Сердцем русского человека, глубиной музыкального таланта Григорий Федорович глубоко оценил силу и красоту древних русских церковных мелодий, но было бы ошибочно думать, что Г. Ф. ограничивал круг русской церковной музыки только русскими древними роспевами. Он неодобрительно высказывался о взгляде композитора Д. Н. Соловьева — автора многих произведений в Церковно-Певческом Сборнике, в 5-ти томах, изд. Св. Синода, — признававшего только Знаменный роспев настоящим церковным, а все прочее — гнилью.

Г. Ф. Львовский придавал большое значение национальным роспевам других Православных Церквей: Греческой, Болгарской, Сербской, широко пользовался роспевами этих Церквей и был глубоко убежден, что наши церковные песнопения имеют в своем основании не общемузыкальные гаммы (мажорные и минорные), а древне-греческие лады или тональности, т. е. одну общую основу всех роспевов Православных Восточных Церквей.

В своих теоретических статьях, докладных записках Г. Ф. Львовский дал ряд ценных указаний о цели и задачах церковных хоров. «Хоровое пение, — писал Г. Ф. Львовский, — в наше время бывает не всегда разумно и часто без должного благоговения к святости храма. Вместо требуемого и ожидаемого от него поддержания молитвенного духа оно или раздражает небрежным исполнением и отрывает от молитвы, или, преследуя артистические с светским оттенком цели, ласкательно действуя на ухо, эксплуатирует в свою пользу внимание молящихся. Религиозное чувство чутко и оскорбляется не только небрежностью поющих, но и тогда, когда, по мнению многих, песнопение исполнено блистательно и с эффектом».

Г. Ф. Львовский боролся с недооценкой простого пения. «Часто приходится слышать в храмах при богослужении прекрасные хоры. Когда же дело доходит до простого гласового пения, — эти же хоры делаются неузнаваемыми: поют без выговора слов, небрежно, забывая, что в том достоинство хора, когда он, от начала до конца службы поет одинаково стройно и одинаково благоговейно».

«Задача церковных певцов, — писал Г. Ф. Львовский, — заключается в том, чтобы при исполнении всякого песнопения, обращать внимание не на одну только звуковую сторону, но преимущественно на смысл и дух песнопений, быть в настоящей и неразрывной связи с священно-

служителями, ответствуя разумно и с благоговением на всякий возглас их, помня всегда слова псалмопевца: «пойте разумно» (Пс. 46, 8).

Г. Ф. Львовский полагал, что самой радикальной мерой улучшения церковного пения в храмах должна быть реформа обучения церковному пению в духовно-учебных заведениях.

По предложению Митрополита Исидора, Г. Ф. Львовский составил докладную записку в Св. Синод об улучшении преподавания церковного пения в духовно-учебных заведениях, в которой писал: «В духовно-учебных заведениях, где с начала до конца преследуется единственная цель: приготовить священнослужителей, — мы вправе надеяться, что предметам, составляющим насущную необходимость для церковного богослужения: церковному пению, церковно-славянскому языку, практическому изучению Типикона будет отведено подобающее место и что на учителей церковного пения будет обращено большее внимание.

Преподавание церковного пения нередко ведется без должной системы, представляется на произвол учителей, не всегда имеющих о церковном пении надлежащие сведения. Некоторые из таких учителей, будучи недостаточно знакомы с древними напевами, отстраняют обыкновения древних церковных песнопений, слегка знакомят своих учеников с нотной системой и, научив их кой-какому хоровому пению, лишают их удовлетворения самой насущной потребности: знания древних гласовых мелодических песнопений, имеющих прямое отношение к богослужению Православной Церкви».

«Учителей церковного пения надо обязать, чтобы исполнение учениками помещенных в учебнике гласовых песнопений было непременно в унисон, т. е. в один голос, не допуская никаких добавочных гармонических нот. Весьма важно и необходимо, чтобы ученики твердо запомнили и усвоили себе гласовые мелодии, на которых по преимуществу основано все простое пение нашей Православной Церкви» (2/XII 1891 г., Проект учебника Нотного Церковного пения).

Представленная докладная записка была одобрена, и Св. Синод поручил Г. Ф. Львовскому выработать программу обучения церковному пению в духовно-учебных заведениях, которая была принята и осуществлена, за исключением пожелания Г. Ф. Львовского об открытии в Духовной Академии кафедры по истории церковного пения.

После краткого ознакомления с жизнью и теоретическими взглядами Г. Ф. Львовского на церковное пение, следует сделать хотя бы беглый обзор его произведений. Всех печатных произведений Г. Ф. Львовского 80. Большинство из них — переложения древних напевов.

В переложениях Г. Ф. Львовский достиг передачи чувств и настроений, связанных с текстом песнопения и выраженных в древней мелодии.

Весьма желательно самое широкое распространение следующих произведений Г. Ф. Львовского:

1. На Всенощной. а) «Приидите, поклонимся» — и «Благослови, душе моя, Господа...» Предначинательный псалом на вечерне имеет стих из Псалма 94 (ст. 6): «Приидите, поклонимся и припадем Ему», повторяющийся, как прокимен трижды с легкими изменениями текста, искусно усиливающими мысль его: «Цареви нашему Богу...» «Припадем Христу (Цареви...)», «Припадем Самому (Христу Цареви...)».

Церковный устав указывает способ исполнения этих стихов: «первый стих — низким гласом, второй стих — мало повыше, третий стих — высшим гласом». Трудно передать словами красоту звуков, но кто знает «Приидите, поклонимся» Львовского, тот должен согласиться, что ни один композитор, кроме Львовского не сумел так вдохновенно передать в музыке и легкое изменение текста и уставное указание о пении стихов.

103-й псалом: «Благослови, душе моя, Господа» по Уставу положен на 8-й глас, спокойно торжественный, главенствующий на службах в Пя-

«тюдесятницу, в Воздвижение и на Акафист — песнь победную. О пении «Благослови» в Уставе сказано: «петь нескоро, со сладкопением, легко, со гласом соглашающим и прочим братиям».

Разработанная Г. Ф. Львовским мелодия греческого роспева является художественным образцом предписаний Церковного Устава.

Первые две строчки: «Благослови, душе моя, Господа...», представляющие вступление, написаны просто. Третье обращение написано уже иначе: в нем подчеркивается обращение именно к своей душе. Музыка следующего стиха: «Господи, Боже мой, возвеличился еси зело» ярко выражает благоговейный восторг верующего человека пред Творцом вселенной. Весь хор, под водительством баса, мощно поднимающегося по ступеням вверх, следует за ним крещендо, достигая вершины звуков на слове «еси» и затем контрапунктическим движением, с переплетениями задержаний и синкоп почти во всех голосах проходит к концу фразы. Такой прием был новостью и он характерен для музыки Г. Ф. Львовского. У А. Ф. Львова такого приема не было. У А. Ф. Львова: — просто, ясно, красиво, но однообразно. На последнем слоге «зело» Львовский поставил знак — > — очень кстати — и во всех голосах повторил предшествующий аккорд — «фа».

До Львовского на предпоследнем слоге «зело» помещали аккорд 5-й ступени и изменяли мелодию. Г. Ф. Львовский изменения мелодии не допускал, он считал ее святыней, как текст Св. Писания.

Гармонизация стихов: «На горах станут воды», «Посреде гор пройдут воды» — характерны для Львовского. У А. Ф. Львова на этих стихах басу отведено однообразное движение: октава, квинта, кварта; у Львовского баз не аккомпанирует, а поет, и басовая мелодия не уступает основной мелодии. Вследствие такого приема альт и тенор не замыкаются на протяжении 2—3 нот, а выходят на простор, повинувшись творческому вдохновению композитора и его обширному музыкальному таланту и знаниям.

В гармонизации, как и в мелодии, одна—две ноты имеют большое значение и талант чувствуется не только в общем замысле произведения в целом, но и в мелочах. Так: в слове «станут» Львовский применяет своеобразную каденцию, останавливающую внимание, и аккорд на «станут»: рисует картину остановившихся вод в горных озерах. На словах «пройдут» у альты ноты: «соль, фа, ми, ми». Эти проходящие ноты дают представление бегущей воды с гор, у альты же на слово «станут»: альт поет: «соль, ми, ми», утверждая звуками «ми» стояние вод. Так тонко чувствовал Львовский и умел передавать все оттенки мысли в звуках.

Припевы к псалму: «Благословен еси, Господи», «Дивна дела Твоя, Господи», «Слава Ти, Господи, сотворившему вся» написаны в широком свободном движении голосов, и выразительно передают молитвенное изумление восторга и благодарность Господу—Творцу и Промыслителю. Несмотря на одинаковую мелодию, гармонизация припевов Львовского — не одинакова. Г. Ф. Львовский мечтал о времени, когда стоящий в храме народ будет петь эти припевы вместе с хором. В хорах духовно-учебных заведений это пожелание Г. Ф. Львовского можно было осуществить.

б) «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых». Кафизма 1, Пс. 1. Музыка этого псалма является оригинальным произведением Г. Ф. Львовского. Простая и серьезная музыка Львовского поразительно сливается с простыми и важными мыслями псалма.

Музыка первых трех стихов просто и спокойно повествует о блаженстве мужа, «иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе». Слова: «не иде» подчеркнуты, еще выразительнее подчеркнуто: «не седе». Затем характер мелодии ме-

няется, делается светлей, энергичней, композитор двумя аккордами на одной ноте, на словах «и ночь», — таким же приемом, как и в «Благослови», — утверждает верность праведника Закону Божьему «день и ночь». Далее псалмопевец сравнивает жизнь праведного человека с «древом, насажденным при исходящих водах». Альтиная партия своими нотами рисует картину качающихся ветвей деревьев на берегу реки. Альт и бас на фоне других голосов выразительно повествуют: «и лист его не опадет, и вся, елика аще творит, успеет». Все голоса сходятся на мысли псалмопевца, что праведник «успеет»: общее фермато, у дисканта, альт, баса — одна нота «фа», но у тенора — «ля». Этим художественным приемом композитор показал, что мысль не кончилась. Действительно, бас с альтом мощными звуками, на фоне «ре» в октаву у дисканта и тенора, вещают, что участь нечестивых совсем другая, чем праведных: «не тако, нечестивии, не тако, но яко прах, его же возметает ветр». Низкие волнообразные ноты у басов, сопровождающие мелодию альтов, отчетливое произношение всеми голосами короткого слова: «ветр», следующее затем фермато на четвертной паузе — вызывают представление о вихре ветра, снесшем все результаты деятельности нечестивых. Печальными аккордами в пиано передает далее Г. Ф. Львовский, что «не воскреснут нечестивии на суд» «ниже грешницы в совет праведных». В словах «на суд» Г. Ф. Львовский применяет одну из своих излюбленных каденций...

Заключительные слова: «Яко весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет» изложены половинными нотами, что производит впечатление неотразимой категоричности. Замедленный темп задерживает внимание на выводах псалма. Частые переходы из аккорда в аккорд как бы говорят об общем смятении, вызванном определением участи праведников и грешников. Наконец, все голоса сходятся на одной ноте в последнем слоге. Это означает полное признание всех голосов справедливости Божественного определения участи праведника и грешника. Фермато — два удара. Произведение Г. Ф. Львовского «Блажен муж» показывает, как глубоко и тонко понимал композитор текст псалма и как умел передать это понимание в тончайших оттенках музыки. Притом, музыка Львовского — строго церковна и тесно связана с простыми и главными напевами богослужения.

II. На Литургии из произведений Г. Ф. Львовского выделяются: а) Трисвятое — (изящная музыкальная миниатюра), б) «Херувимская песнь» греческого роспева, в) «Милость мира» на Литургии св. Иоанна Златоустого и г) причастные стихи.

б) «Херувимская песнь» греческого роспева была напечатана впервые в конце 80-х годов и приобрела скоро большую известность. Красота и оригинальность этого произведения останавливают общее внимание и до настоящего времени. Греческий распев виден здесь в том, что басы отведены длительные основные ноты: «ми—соль», «ми—ре». На основном тоне баса Г. Ф. Львовский сплел музыкальный ажурный узор, пленительный по своей красоте и открывающий все новые рисунки. Все в этом произведении оригинально, вдохновенно и церковно. «Херувимская песнь» звучит как песнь Небожителей. Басы в пианиссимо начинают мелодию «Херувимской». Во втором такте вступают дискант и альт. Альт ведет мелодию с басом. В третьем такте тенор повторяет мелодию альт, что создает новые красоты. Первая часть «Херувимской» искусно связана со второй — нотами тенора: «ре, ми, ре, до». Все произведение написано в контрапункте.

в) «Милость мира» на Литургии св. Иоанна Златоуста — простое, красивое, художественное и осмысленно связанное с литургическим каноническим произведением, «Тебе поем», начинающееся на мужских голосах, проникнуто глубоким молитвенным настроением; это в подлинном смысле

религиозно-вдохновенное произведение. Оно неизменно производит сильное молитвенное впечатление на души молящихся.

г) Из дневных причастных обращает внимание причастен в поведельник. «Творяй ангелы своя духи». Легкая, воздушная, прозрачная гармонизация этого стиха при пении вполголоса и легато звучит как отголосок небесной песни св. Ангелов.

Самым выдающимся причастным является: «Блаженни, яже избрал» (переложение Знаменного распева), написанное в 1881 г. Музыка оригинальная, вдохновенная, проникнутая глубокими строго церковными построениями. Торжественные печальные аккорды. Скорбная мелодия у баса, вдохновенная — у тенора, выпевающего благоговейно священное слово «Господи», у дисканта, заканчивающего мелодию на фоне уже остановившихся аккордов после слов: «и память их в род и род». Поразительна в этом произведении тесная гармония между музыкой и текстом. Музыка служит только средством для выражения мыслей о блаженстве умерших о Господе, о скорбном пути к блаженству, музыка передает и грусть разлуки с дорогими усопшими и радость, что он идет к Господу.

III. На двенадцатые праздники: а) «Господи, помилуй» на Воздвижение Креста Господня. Это произведение принесло Г. Ф. Львовскому большую славу. Оно исполняется обычно всеми большими хорами на чин Воздвижения Креста. Исполнение этого произведения и Московским Синодальным хором на заграничных концертах и А. А. Архангельским на его духовных концертах в России всегда вызывало общее восхищение. Лучшего «Господи, помилуй» после Г. Ф. Львовского не написано.

б) Задостойник на Сретение Господне—очень любим певцами. Задостойник написан в строгом церковном стиле. Выразительна гармонизация отдельных слов: «Дево» и «и спаси».

в) Песнопения на Успение Пресвятыя Богородицы: «Преукрашенная Божественною Славою...», «Избранней от всех родов...», «Апостоли от конец...», «На бессмертное Твое Успение...», «В молитвах неусыпающую Богородицу...». Эти произведения написаны Г. Ф. Львовским в юношеские годы в стиле прот. П. Турчанинова по следующему поводу. Митрополит Григорий I ввел в Крестовой церкви еженедельное служение акафиста Успению Божией Матери по напевам Киево-Печерской Лавры. На эти акафисты стекалось множество молящихся. На Львовского выпала задача переложить Киевские лаврские песнопения для Митрополичьего хора. Не изменяя ни в чем мелодий Киево-Печерской Лавры, Г. Ф. Львовский, со свойственным ему талантом, классически положил эти мелодии на четырехголосный смешанный хор.

г) Стихира на Рождество Христово: «Слава в вышних Богу», «ля ма-жор». Это произведение Львовского—самое лучшее, самое вдохновенное и богатое по музыкальной разработке. Написано оно в контрапунктическом стиле. Основная мелодия у дисканта, но и партии других голосов представляют замечательные мелодии. Поразительны ходы у альты в заключительных словах: «Слава в вышних Богу»; выразительна вся мелодия тенора. Басовая партия проникнута спокойным величием и торжественностью, — вдохновенна мелодия баса на слове «Младенца». Все произведение носит на себе печать глубокого религиозного понимания стихир талантливым композитором.

IV. Песнопения Великого Поста. Из произведений Г. Ф. Львовского на Великий Пост, замечательны два номера: «Да исправится молитва моя...», «Господи сил, с нами буди...», «Ныне силы небесные...», «Объятия отча...» и «Непорочны». «Господи сил, с нами буди», «Господи, аще не быхом...» и т. д. Знаменного распева исполняются на Великом Повечерии в Великом Посту. Мелодия Знаменного

роспева, замечательная сама по себе, в переложении Г. Ф. Львовского на четыре голоса смешанного хора, приобрела новые красоты и новые могучие силы религиозного воздействия на души молящихся.

а) «Ныне силы небесные...» — оригинальное произведение Г. Ф. Львовского, много раз исполнявшееся на концертах. Красива серьезная, строгая мелодия, переходящая из одного голоса в другой. Величественны аккорды. Мысли молитвы: «Силы небесные с нами невидимо служат», «Царь славы входит...» — переданы в музыке с большим мастерством и силой.

б) «Объятия отча...» — седален в неделю Блудного Сына и стихира на пострижение монахов. «Ля минор». Музыка этой стихире принадлежит к одним из задушевнейших произведений Г. Ф. Львовского. «Это — чрезвычайно умирительное произведение и потрясающее до глубины души, — говорил прот. М. Лисицын, известный литургист, ученый музыкант и композитор. Напев — монастырский, афонский. Известны многие случаи, когда певцы пели эту стихирю со слезами. Гармонизация отдельных слов: «со умирением зову», «согреших на небо и пред Тобою» — полна истинного молитвенного вдохновения и высокого искусства композитора.

в) «Непорочны» в Великую Субботу греческого роспева. К этому произведению Г. Ф. Львовский возвращался почти всю свою жизнь и лишь за год до своей смерти в 1893 г. выпустил «Непорочны» в печать.

По сравнению с прекрасным переложением прот. П. Турчанинова на тот же распев, музыка Львовского представляет дальнейшее развитие и художественную обработку мелодии и едва ли доступна для лучшего переложения. Особенно удачно переложены Львовским отдельные места, например: «Ужасеся земля и солнце, Спасе, скрыся...» «Роди вси песнь погребению Твоему приносят».

Много у Г. Ф. Львовского небольших по объему произведений, в которых отразился и великий талант Львовского и его религиозное вдохновение. Таковы, например: «Никтоже притекаяй к Тебе, посрамлен будет...» и икос: «Сам един еси, Безсмертный...». Когда этот икос появился в печати, один неизвестный критик в «Русской Музыкальной газете» за 1900 г. дал такой отзыв: «Пройдут десятки — сотни лет, а это произведение Г. Ф. Львовского будет напоминать грядущему потомству, что и прежде жили великие души, вдохнувшие свои великие чувства в мощные мелодии и аккорды».

Печатными трудами не исчерпывается музыкальное наследие Г. Ф. Львовского. Есть много произведений Г. Ф. Львовского, не носящих имени автора, но ему принадлежащих. Таковы: стихиры Пасхи, известные под именем Лаврских, «Христос Воскресе» несколько номеров и др. В Московской Патриархии имеются рукописи Львовского, «Господи, возвах» для смешанного хора на все 8 голосов, стихиры на Стиховне, тропари, прокимны, величания и проч.; исправления замеченных им ошибок в подтекстовке текста к воскресным ирмосам А. Ф. Львова: подобные же рукописи, — к произведениям прот. П. Турчанинова Львовский дописал (например, в стиле Турчанинова — припев к Задостойнику на Троицын день), но не напечатал. Все эти произведения Г. Ф. Львовского представляют большой интерес.

Обзор жизни и деятельности Г. Ф. Львовского приводит к следующим выводам: Г. Ф. Львовский сделал все, что мог, по условиям времени и обстоятельствам. Он был истинный сын Церкви, который честно исполнял свой долг так, как это было возможно при данных условиях.

Своей жизнью и деятельностью он явил светлый пример потомству для подражания.

Своими трудами он указал верный путь, по которому должно идти развитие русской церковной музыки. Он дал классические образцы переложений Знаменного и Киевского распевов и ряд оригинальных произ-

ведений на основе древних роспевов. Среди значительных и светлых имен, которыми так богата история церковной музыки за XIX век, имя Г. Ф. Львовского занимает одно из самых почетных мест.

Прошло более 50 лет со дня смерти композитора, но произведения Г. Ф. Львовского не устарели, они живут и будут жить долгие годы в исполнении хора.

Своими вдохновенными творениями, своими трудами, во славу Церкви подъятыми, Г. Ф. Львовский заслужил себе вечную славу и вечную память благодарных потомков.

Л. Парийский

Из жизни наших епархий

Из Пинской епархии

ЮБИЛЕЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА В ЧЕСТЬ СВ. ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА АФАНАСИЯ, ИГУМЕНА БРЕСТСКОГО

18 сентября (5 сентября по ст. ст.) с. г. исполнилось 300 лет со дня мученической кончины небесного покровителя Пинщины, св. Преподобномученика Афанасия, игумена Брестского Симеоновского монастыря.

Св. Афанасий (Филиппович) жил и неутомимо подвизался на ниве церковной в исключительно трудное для православного населения Полесья время, когда, в 1596 г., на Брестском Соборе, группой изменивших Православию лиц была провозглашена церковная уния с Римом. Уния и была причиной тех многих зол и бед, которые выпали на долю православных и которые в самой большой мере испытал на себе св. Афанасий, неустрашимый подвижник за Святую веру Православную и неутомимый защитник прав угнетенного православного народа. Начав свою самостоятельную церковную деятельность в Дубойском монастыре под Пинском, св. Афанасий проходил затем послушание в соседнем Купятичском монастыре, славном чудотворным образом Божией Матери Купятичской. Но больше всего и наиболее успешно подвизался св. Афанасий в монастыре Брестском, как его славный игумен. Упорное отстаивание прав и привилегий монастыря, равно как и защита интересов всего православного народа сделали широко известным имя св. Афанасия, но приобрели ему также немало врагов, особенно среди иезуитов и униатов, на несправедливое отношение которых к православным он обращал постоянное внимание короля и тогдашнего польского общества и жестоко их клеймил.

Роковым в жизни св. Афанасия был 1648 год. Вследствие смерти короля Владислава IV наступила полоса междоусобицы, во время которой возросла латиноуниатская реакция, особенно усилившаяся в связи с выступлением казаков под водительством Богдана Хмельницкого. Жертвой этой реакции и пал св. Афанасий. Его враги не могли простить ему ревностного стояния на страже Православия и неуклонного противления унии, которую он не любил и считал несчастьем своего народа. Поставленный перед Брестским судом по обвинению в сношении с казаками и опровергнув это обвинение, св. Афанасий был затем обвинен во враждебном отношении к унии и после двухмесячного тяжелого тюремного заключения предан мученической смерти в ночь на 5 сентября 1648 г. Тело св. Афанасия оказалось нетленным и мощи его, почивая в Симеоновском монастыре в г. Бресте, впоследствии прославились многими чудесами. Время не сохранило до наших дней нетленных останков св. Пре-

подобномученика. Но память о св. Афанасии, великом поборнике Православия, положившем за него свою жизнь, всегда оставалась живой и священной среди православного населения Полесья.

Живо отозвалось оно и на трехсотлетний юбилей мученической смерти Преподобномученика. В день его кончины во всех храмах Пинской епархии, а особенно в храмах приходов Дубойского и Купятичского, где подвизался св. Афанасий, а также в Пинском соборном храме, по распоряжению Высокопреосвященного Владыки Пинского, архиепископа Даниила были совершены богослужения. Торжественное празднование памяти св. Преподобномученика, с целью привлечения более широких масс молящихся, приурочено к воскресному дню 19 сентября и проведено с большим подъемом, при деятельном и живом участии многочисленных верующих. Божественную Литургию в селе Купятичах совершил Высокопреосвященный архиепископ Даниил в сослужении городского и сельского духовенства. Во время запричастного проповедником разъяснено значение подвига св. Преподобномученика, как доброго виноградаря для нашего времени.

Сильное впечатление на молящихся произвело молебное пение Купятичской Божией Матери и св. преподобномученику Афанасию, заключенное вдохновенным словом Владыки — архиепископа, яркими чертами охарактеризовавшего духовный облик св. Преподобномученика, борца за чистоту веры и интересы православного народа.

Вечером того же дня Пинский архиепископ, при большом стечении верующих, совершил торжественную вечерню с акафистом Преподобномученику Афанасию в Пинском кафедральном храме. Прочувствованное слово Владыки воскресило в памяти молящихся время подвижничества св. Афанасия и напомнило о его заветах «подвигом добрым подвизаться, чтобы не оскудевал и в нашей среде преподобный», укрепляя также в утешительной мысли о невозвратности тех печальных дней, дней вражды и разделения, имевших место во время жизни и деятельности св. Афанасия, что особенно подкреплялось совпадением празднованием годовщины недавнего освобождения и объединения западных областей Белоруссии в великой семье советских народов.

Так Пинск и Пинская епархия отметили память св. преподобномученика Афанасия, игумена Брестского и подвижника Купятичского. Да не оставит сей св. Угодник Божий своим небесным предстательством и теплым заступлением православное, верное его святой памяти Полесье.

Протоиерей К. Комар

ОТ РЕДАКЦИИ

В статье «К вопросу об интригах Ватикана против Вселенского Православия», напечатанной в № 8 Ж.М.П. за 1948 г., по недосмотру Редакции и по вине технических сотрудников, по-своему прочитавших неразборчивую рукопись автора, оказалась искаженным предпоследний абзац 73 страницы, который следовало напечатать так:

«Ксендзы с церковных амвонов призывали к избиению православных. Среди убитых был Сараевский Митрополит Петр, культурный и прекрасной души человек. Оказался убитым и Баньялудский епископ Платон, бывший когда-то настоятелем Сербского подворья в Москве, и тело его брошено в реку. Руководимые клириками усташа убили епископа Горие-Карловацкого Савву. В г. Загребе был избит католическими сестрами Митрополит Досифей. В другом месте, именно, в курорте Радениц, усташа избили епископа Иерофея».

Что касается последних двух строк, то они в искаженном виде попали сюда из другого абзаца, где упоминалось об аресте немцами Патриарха Гавриила в Югославии, а не в Чехословакии, в которой, как известно, никогда не было никакого Патриарха, не было и трех православных епископов, а был расстрелян немцами лишь один православный епископ Горазд.

Цена 10 руб.